

A woman with blonde hair in a bun, wearing a white tutu, stands in a dark, blue-lit cave. She is looking down and to her left. The cave walls are rocky and have some glowing points of light. The overall atmosphere is mysterious and ethereal.

ЕЛЕНА ТЮРИНА

ЗАГАДКА
ФАРФОРОВОЙ
БАЛЕРИНЫ

Елена Андреевна Тюрина

Загадка фарфоровой балерины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53954533

SelfPub; 2024

Аннотация

Что может быть более хрупким, чем фарфоровая статуэтка? Но изящная балерина в кружевной пачке пережила и войны, и тяжелые дни. Антикварная фигурка танцовщицы связана с чередой преступлений. Расследуя их, героиня путешествует во времени, окунается в мир профессионального балета. Старые купеческие особняки, тайны подземелий и романтических чувств – фарфоровая танцовщица замыкает на себе все нити этой истории.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Находка	8
Глава 2. Новенькая	27
Глава 3. Впервые на пуантах	39
Глава 4. Чужая тайна	52
Глава 5. Танец-предатель	66
Глава 6. Беглянка	79
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Елена Тюрина

Загадка фарфоровой балерины

Пролог

Германия, Берлин, 1945 год

Его горячее дыхание на шее вызывало рябь мурашек по телу. Даже во сне он так крепко прижимал её к себе, что вырваться, не потревожив спящего, было почти невозможно. По правде сказать, и не хотелось покидать его объятия. Но Мария не могла просто лежать. На душе было беспокойно. Она, едва дыша, выскользнула из-под одеяла, чтобы не разбудить любимого, накинула халат и села перед зеркалом.

Хрупкая и тоненькая, словно лоза, редкой красоты девушка. Светло голубые, прозрачные, как льдинки, глаза, мягкие волнистые волосы почти идеального белого цвета. Мария была чистокровной немкой. И ведьмой. По крайней мере, о ней так говорили. Соседи шептались, что молодая преподавательница хореографии входит в число девушек-медиумов, составляющих тайное общество «Врил»¹. Конечно, она зна-

---

¹ Общество «Врил» – в эзотерическо-исторической фантастике об оккультизме Третьего рейха, вымышленное уфологическое тайное общество медиумов, чле-

ла об этих сплетнях. Но никогда не пыталась их опровергнуть. Пусть говорят, что они – могущественные ведьмы, что способны достичь созвездия Альдебарана, что работают на Рейх и помогают создавать уникальные летательные космолёты. Лишь бы не знали правды.

Мария улыбнулась. Ей нравилась эта легенда, будоражащая сознание людей уже много лет – ещё с начала века. Считалось, что их тайное общество было создано в 1919 году в Тулё. В него, якобы, входила элита СС. «Врил» называли возрождённым орденом Тамплиеров. И возглавляла его её тёзка, медиум Мария Орзич. Девушки, обладающие сверхъестественными способностями, под её руководством входили в транс и получали различные важные сведения. В обществе применялись древние языческие практики. А обязательным атрибутом каждой участницы были длинные волосы.

Мария задумчиво погладила свои роскошные локоны. В их семье экстрасенсорные способности передавались от прабабки всем женщинам рода из поколения в поколение. Если у неё родится дочь, то она тоже станет избранной...

«Врил» с шумеро-альдебаранского якобы переводилось как «подобный богу». Как говорила Орзич, эта энергия при-

---

ны которого якобы контактировали с инопланетной или подземной цивилизацией, изучали врил – мистическую силу, и участвовали в авиаконструировании одноимённо названных летательных аппаратов нацистов (НЛО). Ряд исследователей Третьего рейха считают эту не существовавшую организацию внутренним кругом общества Тулё и, как следствие, центром нацистской идеологии.

суща исключительно молодым прекрасным женщинам, поэтому они и составляли ядро общества. И действительно все девушки были поразительно красивы. У всех были бесподобные волосы. Все отличались тонким вкусом, элегантностью, утончёнными манерами. Не только её дар, но также красота, аристократизм и изысканность помогли Марии вступить во «Врил».

Как ни странно, придуманные девушками летательные аппараты, похожие на космические тарелки инопланетян, действительно летали. Им даже выделили для испытаний поле под Бранденбургом. Об этом Мария передавала информацию в Москву... И о том, что члены общества пытаются наладить контакт с внеземными цивилизациями. И ещё много других важных данных, необходимых русским.

Мария обернулась к спящему в её постели темноволосому мужчине, которому она с упоением отдавалась этой ночью. Такой молодой... Всего на пару лет старше её самой. Чёлка смешно торчит, делая лицо офицера почти юношеским.

Считается, если ведьма полюбит по-настоящему, это уменьшит её силу. Алексей ничего ей не говорил, но она и сама понимала – вместе с приходом русских в столицу Рейха «Врил» ждал конец. Что станет с девушками и их уникальными разработками? Этого она не знала. Как и того, что ждёт её саму. Вряд ли русский любовник заберёт её с собой на свою родину. Пусть она и работала на СССР, но она немка, а значит враг для обычных людей, чьи дома сжигали и бомби-

ли, чьих детей и матерей убивали её соотечественники. Значит, однажды им придётся расстаться.

Мария чиркнула взглядом по фарфоровой балерине тончайшей работы, которая стояла на туалетном столике. Статуэтку сделали на заказ специально для неё. Даже лицо удалось воспроизвести весьма похоже. Она подарит её Алексею на память о себе. Чтобы эта балерина оберегала его и всех его близких.

Глава 1. Находка

2019 г.

Подземный ход городского Дворца культуры оказался местом на редкость неудобным. Низкие арочные своды каменных потолков давили своей мрачностью. Въедливый запах сырости и плесени заполнял лёгкие, вызывая резкий, сухой кашель. Кирпичная кладка побурела и потрескалась, но местами ещё проглядывала краснота, говорившая о том, что материал для строительства Дворца использовался самый лучший. По слухам, в советские времена, когда здесь был Театр оперы и балета, по этому подземному ходу представители партийной элиты в антракте или после представления могли выйти на берег протекавшей поблизости реки, чтобы подышать свежим воздухом. С тех пор ходом никто не пользовался. Выход со стороны реки был надёжно заварен, дабы не привлекал бездомных и сталкеров. Подземелье затапливало чуть ли не в каждое половодье и даже сейчас в той части, что ближе к реке, по щиколотку стояла вода. В дождливые дни она могла подниматься до колена и даже выше.

Вначале потолки были не высокие, но если пройти дальше, то можно стоять во весь рост. На сколько метров тянулся подземный ход – неизвестно. Никто из сотрудников ДК точно не знал. В этой темноте и сырости трудно было представить, что где-то на высоте примерно трёх метров ходят

люди, шумит своей повседневной жизнью город.

Ещё болтали, что у тоннеля якобы были ответвления, связывающие Театр оперы и балета с гостиницей и несколькими государственными учреждениями, чтобы первые лица города могли попадать на представления и уходить после них, скрываясь от лишних взглядов и фотокамер. Но подтверждения этому не имелось. Либо ходы заложили, либо их вовсе не существовало. Другая версия, с которой связывали строительство подземелья – назревающая в те годы угроза войны.

Об этом Костик рассказывал Насте, пока они тащили коробки с папками и старой документацией вверх по лестнице. Приходилось постоянно подсвечивать себе фонариком.

– Здесь от всего веет безысходностью, – в очередной раз остановилась, чтобы передохнуть, Анастасия. – Мы как будто в катакомбах средневекового замка. Хотя нет, там, наверное, было бы меньше всякого хлама. И зачем я согласилась тебе помогать? Вот нужно оно мне было? Сейчас бы сидела дома, трескала пиццу и смотрела какой-нибудь интересный фильм. Так нет же! Моя доброта меня погубит.

Костя остановился рядом и поставил ногу на первую ступеньку следующего лестничного пролёта. Он держал перед собой две большие картонные коробки, доверху наполненные пожелтевшими и уже почти крошившимися от старости бумагами.

– А давай, я тебя в знак благодарности в кино приглашу и угощу мороженым? – предложил он. – Мне, правда, самому

здесь за день не разгрести завалы, а Ник очень просил его прикрыть.

Костя и его лучший друг Никита в этом году поступили в институт культуры и искусств на бюджетное отделение. Для отработок парни были направлены к директору Дворца культуры Тамаре Николаевне Кошман, которая не нашла для них никакого более творческого задания, чем освободить от старого хлама и мусора подземный ход, имевшийся во Дворце.

Настя общалась с Костиком со школы. Их квартиры располагались на одной лестничной клетке, поэтому на учёбу они всегда ходили вместе. Одноклассники какое-то время дразнили их женихом и невестой, но постепенно всем стало понятно, что ребята на самом деле просто друзья, и от них отстали.

– Вчера нам вообще поручили мыть окна в одном из кабинетов, – заметил Костя. – Так что сегодняшнее задание поинтереснее.

– Круто. Мне, оказывается, повезло, – съехидничала Настя. – Надыхаться пылью, надорваться и испачкаться – это как раз то, о чём я мечтала этим летом.

– Ну, хочешь, я тебе с твоими отработками тоже помогу? – Константин начал подниматься наверх, удобнее взяв свою ношу.

– Нет уж, благодарю. У нас отработок нет. Нормальные вузы от такого давно отказались.

– А мне за это гарантировали место в общежитии. Я-то думал

квартиру искать, потому что вроде как коек на всех не хватает.

– М-м-м... А ты знаешь, что в таких старых помещениях полно плесени и можно подхватить какую-нибудь заразу?

– О, в тебе проснулся будущий медик!

Настя тоже подняла коробку и последовала за ним.

Место, в котором они находились, представляло собой не просто типовой советский Дворец культуры. Это было помпезное здание с четырьмя колоннами, украшавшими парадный вход, винтовыми лестницами, большим концертным залом и балконами, декорированными лепниной. Сталинский ампи́р во всём своём блеске. Только блеск этот за долгие годы потускнел под слоем пыли, обкрошившейся краски и побелки. Хотя Дворец и сейчас действовал, в нём проходили концерты местных коллективов, работали кружки для детей, но ремонт здесь не делали годов с восьмидесятых. Давно пришла в негодность когда-то бывшая диковинкой механизированная сцена. Практически нигде не сохранились большие хрустальные люстры. Даже окна кое-где оказались лишены стекол и закрыты листами фанеры или старыми афишами. А ведь в тридцатых годах минувшего века на строительство учреждения, именовавшегося тогда «Театр оперы и балета», было выделено более шестисот тысяч рублей! Лишь сейчас, в конце 2019 года, власти города, наконец, обратили свой взор на учреждение культуры и приняли решение его обновить. По этому случаю и был затеян разбор хлама,

накопившегося в подвале. Годами сюда стаскивали чемоданы, ящики и коробки с ненужными уже костюмами, инвентарем, отжившим своё реквизитом и прочим мусором. Видимо, окончательно избавиться от всех этих вещей не поднималась рука. И в надежде когда-нибудь использовать, сотрудники оставляли их здесь, чтобы забыть на десятки лет.

– Настя, ну правда, от души тебе спасибо, что согласилась сегодня со мной тут покопаться! – снова заговорил Костя, когда они поднялись по лестнице и оказались в темном коридоре первого этажа.

– Да ладно, Костик, успокойся. Всё-таки на самом деле интересно. Хоть узнаю, как наш ДК изнутри выглядит. Не думала, что всё настолько плачевно.

– Ну почему? – с жаром вступился за Дворец Костя. – Если подремонтировать, будет ничего. Я считаю, что это здание – пример хорошего архитектурного мастерства и отличного стиля. Сегодня так не сумеют построить. Просто не сумеют. Сама погляди, что в нашем городе строят? Примитив. Подделку, в лучшем случае. Топорную и позорную. Для олигархов. А этот домишко красивый...

Почти весь день ушёл на то, чтобы вынести наверх накопившийся в подвале хлам. К счастью, дальнейшая его судьба ребят уже не касалась. Хотя Настя была бы не прочь перебрать старые костюмы и реквизит для выступлений. Наверняка, среди всех этих ненужных вещей найдётся масса интересного.

– Фух, уже почти закончили, – довольно сообщила девушка, подсвечивая себе фонариком мобильного телефона. – Смотри, что я нашла!

Она протянула Костику какую-то фигурку. Судя по форме, это была танцовщица.

Электричество здесь было давно отрезано. Свет попадал в подzemелье лишь благодаря открытой двери, ведущей на лестницу.

– Прикольно, – пожал плечами парень.

– Возьму себе на память, – Настя потёрла статуэтку, чтобы очистить её от грязи. – Ей, наверное, уже много лет. Может быть, даже антикварная ценность.

Статуэтка представляла собой балерину. Но не в классической балетной позе, в какой обычно изготавливаются подобные фигурки. Хрупкая фарфоровая танцовщица сидела, склонив головку чуть набок. Точёное личико выглядело ласковым и немного печальным, а синие наивные глаза словно смотрели в самую душу. Статуэтка была изготовлена с большим вниманием к деталям. Всё её крохотное тельце, облачённое в белоснежную пачку, вместе с маленькими пуантами было готово взмыть вверх, навстречу музыке, в объятья танца. Маленькая кукольная фигурка была настолько совершенна, что буквально притягивала взгляд. Такая балерина могла служить не только украшением интерьера, но и ценным экспонатом коллекции. Это явно не стандартная фарфоровая статуэтка советского периода, а штучная работа. Труд-

но представить её, сидящую на салфетке-ришеле в серванте типовой хрущёвки. Может быть, балерину создали вовсе не в СССР? Настя решила, что внимательно рассмотрит её позднее. Возможно, где-то указана страна и год изготовления статуэтки.

– А что там за коробка ещё? – вернул девушку к реальности Костя.

– Где?

– Да вон. В углу.

– Не знаю, может опять какие-то папки или столетние афиши, – Настя потрогала нечто, густо оплетённое паутиной и укрытое шапкой пыли. – Нет, Костик, это не картонная коробка, а деревянный ящик. Давай его вместе поднимем.

Ящик напоминал те, что использовались для крупногабаритных посылок. При тусклом освещении невозможно было ничего толком разглядеть. Поэтому ребята подхватили его под днище и потащили к лестнице, ведущей наверх. Но у самых ступенек Настя, двигавшаяся спиной к выходу, вдруг за что-то зацепилась и едва не упала. Ящик, выскользнув из её рук, с грохотом рухнул на землю. Прогнивший от постоянной сырости, он буквально развалился на части. На каменный пол подземного хода выпали человеческий череп, кости и остатки ткани... Молодые люди в оцепенении замерли.

– О, ребята, вот вы где! – раздался сверху звонкий голос Тамары Николаевны и цокот каблуков.

Дородная женщина с ярким макияжем и пышной причёс-

кой торопливо спускалась по ступенькам. От неё пахнуло густым ароматом сладких духов.

***

...О находке Тамара Николаевна тут же сообщила куда следует. Приехала полиция. Ребятам задали несколько вопросов, попросили показать, где стоял ящик с останками, и отпустили. Но домой идти теперь совершенно не хотелось. Они сидели в кабинете директора, пили чай. Всех охватило гнетущее ощущение тревоги. В голову лезли разные неприятные мысли, сердце невольно сжималось от страха.

Кабинет руководителя ДК разительно контрастировал с остальными помещениями Дворца. Здесь всё было очень современно – плазменный телевизор, новенькие кожаные кресла и диван, стеклянный столик, множество статуэток, вазочек, всевозможных сувениров и, конечно, грамот в тонких металлических и деревянных рамках. Всё выглядело очень солидно и дорого.

– Как давно вы являетесь директором ДК? – задал вопрос мужчина в штатском, должно быть, следователь.

Настя и Костя внимательно слушали.

– Уже пятнадцать лет. До этого возглавляла местный танцевальный коллектив, – спокойно ответила Тамара Николаевна.

Всё произошедшее её, безусловно, поразило. Но привыкшая бывать на публике, выступать на телевидении и давать

интервью, она сумела быстро взять себя в руки и теперь говорила с представителем правоохранительных органов деловито, сдержанно, без лишних эмоций.

– Наш судмедэксперт сказал, что останки предположительно принадлежат подростку или очень юной девушке. На костях не сохранилось остатков плоти и нет каких-то видимых характерных повреждений, которые бывают, например, при пулевых ранениях, – сообщил следователь. – Тем не менее, делать выводы пока рано. Будет назначена судебно-медицинская экспертиза, которая и определит, когда и от чего умер этот человек. Пока же речь идёт о доследственной проверке. Останкам, по меньшей мере, лет двадцать-двадцать пять. Точнее покажет экспертиза. Вы не помните никаких странных, подозрительных событий, происходивших примерно в тот период?

– Нет, ничего такого не припомню, – Тамара Николаевна задумалась.

– Никто не исчезал, никого не искали? – попытался направить её в нужное русло мужчина. – Кстати, нужно будет поднять архив, поискать упоминания о пропавших без вести за тот период.

Это он говорил уже коллеге.

– А знаете, был один случай... – оживилась, что-то вспомнив, директор Дворца. – Не стану утверждать, что он может иметь какое-то отношение к этой страшной находке. Но в восьмидесятых, когда в этом здании ещё размещался Театр

оперы и балета, здесь действительно исчезла балерина.

– Так-так. Поподробнее.

– Ходили упорные слухи, что у девушки отношения с одним влиятельным человеком, поэтому, когда она пропала, все решили, что балерина сбежала вместе с ним за границу. Даже её родители были в этом уверены. Оба – партийные работники. Для них это стало настоящим ударом. Они, можно сказать, отреклись от дочери-предательницы.

– Вы помните имя и фамилию той девушки?

Задав этот вопрос, следователь покосился на сидевших тихо, словно мышата, ребят, затем сделал жест, призывающий Тамару Николаевну к молчанию, и попросил для дальнейшего разговора оставить их с собеседницей наедине.

Настя не на шутку прониклась всем происходящим. Ещё пару часов назад мечтавшая поскорее вырваться из старых поблекших стен в нормальный, современный мир, теперь она совершенно не хотела уходить. Девушка стремилась узнать как можно больше о Дворце. Ей хотелось во что бы то ни стало выведать тайну обнаруженных в подземелье останков.

– Дворец было решено построить, если не ошибаюсь, в тысяча девятьсот тридцать четвёртом, – принялась рассказывать молодым людям словоохотливая билетёрша, крутившаяся в холле.

Настя спросила у неё, насколько это здание старое. В предвкушении долгого и интересного рассказа они располо-

жились на скамье неподалёку от гардероба.

– Тогда это был Театр оперы и балета. Потом стал Дворцом культуры. В девяностые он, можно сказать, пустовал. Здание начало потихоньку угасать. Его даже грабили! Нанять сторожа было не на что, и мы, немногочисленные сотрудники, тогда ночевали здесь по очереди, чтобы сберечь имущество и не позволить его окончательно растащить. Даже Тамара Николаевна – и та ночевала!

Анастасия подивилась самоотверженности Кошман. Очень ухоженная, ещё далеко не старая женщина, – на вид лет пятьдесят. А ведь тогда она была совсем молодой.

– В две тысячи четвёртом в Министерстве культуры решили наш Дворец сделать методическим центром для культурно-досуговых учреждений города, – говорила билетёрша. – Название громкое придумали, а по сути ничего не изменилось. Только теперь здесь проводятся городские конкурсы и фестивали, новогодние праздники, концерты. На базе ДК действует множество самых разномастных коллективов, в которых занимается почти две тысячи человек. Есть даже клубы голубеводов, виноградарей, пчеловодов. Один из самых ярких наших коллективов – народный детский цирк. Его выпускники выступают в цирках Европы!

Женщина с гордостью указала на афишу с фотографией воздушных гимнастов: парень и девушка в блестящих облегающих костюмах запечатлены в момент выполнения трюка на полотнах. Настя с Костей переглянулись. Неужели эти

молодые люди на самом деле начинали здесь, в столь неприглядном месте?

– Только подумайте, какой масштаб! А нормальных условий нет, – билетёрша развела руками. – Все вынуждены как-то выкручиваться, потому что финансирование очень скудное. Зимой мы сидим без отопления. Старые батареи уже не пропускают воду. Дети занимаются и выступают в холодных залах. Осенью и весной нас заливают дожди. Крыша течёт в нескольких помещениях на верхнем этаже. Бедная наша Тамара Николаевна везде, где только можно, добивается поддержки. Вот сейчас договариваемся о покупке автобуса. Потому что коллективы большие, а возить их на выступления в другие города не на чем.

Ребята понимающе качали головами. Но рассказ об истории Дворца и его нелегких буднях совершенно ничего не прояснил.

Так и не дождавшись, пока выйдет следователь, они вынуждены были отправиться по домам, поскольку уже вечерело. Угрюмая и озадаченная Анастасия нехотя спускалась по широким, местами сколотым ступеням. Они с Костей провели в ДК гораздо больше времени, чем планировали. И завтра Настя решила обязательно пойти туда ещё раз.

– У бабушки в деревне пару лет назад что-то строили и вырыли котлован на возвышении у реки. Оказалось, на этом месте было старое захоронение или братская могила – точно не знаю. В общем, там обнаружили много человеческих

костей, который уже буквально рассыпались в труху, – говорил шагавший рядом Костя. – Вообще случаи, когда строители натываются на останки, происходят довольно часто. Я читал, что в конце девяностых во время ремонтных работ в Московском зоопарке была найдена братская могила. А в девяносто первом, во время ремонта одного здания в подвале на глубине трёх метров строители раскопали несколько тысяч скелетов. Пишут, что это были старые могилы с надгробиями и останки, перенесенные от храма Христа Спасителя. Иногда находят единичные захоронения. В нашем городе вообще половина нового центра построена на кладбищах. Парки, скверы, даже рынок. Дед рассказывал, как ещё в советское время при проведении строительных работ наткнулись на могилу священника. Возможно – при строительстве телецентра, но я не уверен. Тогда была создана комиссия. Изъяли ценности из захоронения. Дед запомнил большой серебряный крест. А лет семь-восемь назад разгорелся громкий скандал вокруг строительства торгового центра возле парка Мира. Не слышала? Начали копать котлован и экскаватор кучу гробов выворотил. Это обычная практика в крупных городах бывшего СССР и не только. Города разрастались, окраины становились центром, вот и сносили старые кладбища.

– Всё это, конечно, интересно, Костик, – вздохнула Настя. – Но тут другое. Ты же понимаешь, что эту девушку убили, а тело спрятали? И оно пролежало в этом ящике много

лет, пока не истлело.

– Ты так уверена, что это та пропавшая балерина?

– Не знаю. Но мне кажется, что да.

Молодые люди шли по довольно оживлённой улице, по обеим сторонам которой располагались магазины, кафе, аптеки и нотариальные конторы. Настя заметила вывеску антикварного магазина и потащила друга туда. До закрытия оставалось ещё полчаса.

Внутри царил дух старины и приятный полумрак. Все витрины и полки подсвечивались мягким светом. На них были расставлены и разложены книги, журналы, статуэтки, куклы, часы, посуда, значки, монеты и масса других вещей, имеющих антикварную ценность. Пока юноша рассматривал содержимое витрин и полок, девушка целенаправленно двинулась к фарфоровым танцовщицам. Среди них подавляющее большинство составляли балерины, но попадались и цыганки или испанки, танцующие пары и другие статуэтки на танцевальную тематику.

– Здравствуйте. Что-то подсказать? – раздался поблизости доброжелательный голос.

Женщина в очках показала из маленькой комнатухи за витринами и выжидающе посмотрела на Настю. Найденная статуэтка лежала у девушки в рюкзаке. Показывать её она не собиралась, но вот расспросить о подобных изделиях специалиста было бы не лишним.

– А... расскажите об этих вот статуэтках, – Настя указала

на танцовщиц.

Женщина, несколько озадаченная столь пространный постановкой вопроса, растерянно поглядела на полку.

– Тут представлены статуэтки из русского и дрезденского фарфора, – начала она. – Вот такие фигурки балерин, танцовщиц, дам в роскошных нарядах и галантных кавалеров начали создавать в Германии в начале восемнадцатого века. Их отличительная черта – пышные волны кружев из тончайшего фарфора, создающего иллюзию настоящей ткани, и нежная цветовая гамма – как правило, розовая, белая, голубая. При производстве таких фигурок использовалось настоящее кружево. Его погружали в специальную фарфоровую массу, после чего формировали из него одежду непосредственно на статуэтках и отправляли в печь для обжига. В результате получались очень хрупкие, но бесподобно красивые работы. Как видите, у нас таких мало, поскольку «дрезденские кружевницы» довольно дорогие и редкие.

Настя отметила про себя, что, судя по виду, её балерина выполнена именно из дрезденского фарфора.

– Позже производители научились делать фарфоровую массу для кружев более прочной. Самыми известными производителями кружевных статуэток были завод Фолькштедт в Зитцендорфе и мануфактура Унтервайсбах в Тюрингии. Вот здесь, – женщина аккуратно взяла в руки нарядную даму в пене розовых кружев и перевернула её, – указаны клеймо изготовителя и номер. Эта статуэтка изготовлена в ты-

сяча девятьсот шестьдесят четвёртом мануфактурой Унтервайсбах. Но Германия была не единственной страной, где делали кружевные скульптуры. От неё не отставала Италия. В середине восемнадцатого века в Неаполе была основана фарфоровая мануфактура Каподимонте. Итальянский фарфор несколько отличается от немецкого более нежным молочным оттенком. И в целом итальянские статуэтки выглядят несколько сдержаннее, благороднее, на мой взгляд.

Сотрудница антикварного магазина явно очень хорошо разбираюсь в теме и любила свою работу. Конечно, два студента не имели таких средств, чтобы купить здесь хоть что-то, и, тем не менее, женщина с удовольствием тратила на них своё время. Видя неподдельный интерес в глазах девушки, она продолжала:

– Большинство представленных в нашем магазине статуэток выполнены из русского фарфора. В основном все подобные скульптуры создавались в цехах Ленинградского фарфорового завода. И сегодня произведения советского и русского фарфора не теряют своей ценности. Можете сами убедиться, посмотрев на их стоимость или зайдя на любой интернет-аукцион. Там такие статуэтки достаточно востребованы. Можно найти экземпляры стоимостью в несколько тысяч долларов. У нас таких дорогих нет. Кроме ленинградских, здесь есть произведения Полонского завода художественной керамики.

Она указала на несколько статуэток.

– Пожалуй, самыми популярными произведениями советского и русского фарфора сегодня можно считать образцы русского балета минувшего века. Практически все они создавались целым коллективом, состоявшим из скульптора, художника по росписи формы и формовщика. Но есть и фарфоровые статуэтки, целиком созданные одним человеком. Такие работы являются уникальными и стоят очень дорого. Встречаются даже расписанные золотом статуэтки. Один из примеров – статуэтка «Балерина», созданная скульптором Дмитрием Иосифовичем Ивановым. Мастер изобразил известную русскую балерину Тамару Платоновну Карсавину в костюме Жар-птицы. К сожалению, у нас подобных жемчужин вы не увидите. Есть лишь несколько копий, но и они являются большой ценностью для истинного коллекционера.

Настя не спешила покидать магазин. После услышанного рассказа она, пребывая под впечатлением, некоторое время заморожено рассматривала изящные фарфоровые фигурки.

– А почему ты свою ей не показала? – спросил Костя, когда они всё-таки вышли на улицу.

– Не хочу.

– Вдруг она ценная. Может, дорого стоит.

– Ну и что? Я всё равно не собираюсь её продавать. Кто-то её уже однажды предал, оставив в подвале. Я не буду делать это второй раз.

Костя странно покосился на Настю, но ничего не сказал.

Дома девушка долго сидела за компьютером, читая об ис-

тории фарфоровых статуэток. И случайно наткнулась на информацию о ведьмах Третьего рейха. Сначала не собиралась читать эту статью, ведь статуэток она не касалась. Но пробежав взглядом первые строки, заинтересовалась. В материале шла речь о мистике и оккультизме. А конкретно о том, что в Германии во времена фюрера всему этому придавалось огромное значение, и сам Гитлер был уверен – его бабушка была ведьмой, и её сожгли на костре. Говорилось в тексте о том, что ведьмы могли переноситься сами или переносить других людей во времени – в прошлое или будущее – при помощи в специальных проводников – вещей или животных. Решив, что всё это совсем уж бред, девушка закрыла вкладку.

Спать Настя легла уже за полночь. Укладываясь в постель, рядом на прикроватную тумбочку поставила тщательно вымытую статуэтку балерины. Долго лежала без сна, прокручивая в голове прошедший день. Понимала, что за сроком давности это убийство никто не будет расследовать. Как сказано в Уголовном кодексе, текст которого она нашла в интернете, согласно действующему законодательству, лицо, совершившее тяжкое или особо тяжкое преступление, освобождается от ответственности, если истекло всего лишь десять-пятнадцать лет с момента совершения злодеяния. А тут явно гораздо больше времени прошло. Да и участников тех событий уже наверняка нет в живых. Или они настолько стары, что к ним в любом случае не может быть применено наказа-

ние. Но Насте не давала покоя трагическая судьба этой девочки балерины. Ведь она, возможно, была её ровесницей! Как сказал следователь – очень юная. Значит, не больше восемнадцати лет! Какая страшная судьба – быть убитой и пролежать в подземелье, пока твои кости не найдут совершенно случайно. Хотя, действительно ли останки принадлежали пропавшей балерине? Увы, если она и узнает правду, то только из газет или интернета. Наверняка журналисты уже в курсе печальной находки в подземелье бывшего Театра оперы и балета.

Глава 2. Новенькая

Танцуя, девушка воздела руки к небу. Ей казалось, что ещё немного, всего один прыжок, и она воспарит. Сил хватит, несомненно. Под этой нежной кожей и внешней хрупкостью скрыты стальные мышцы и железная воля. В каждом плавном её движении столько величия и силы! И столько красоты! Она не чувствовала под собой пола. Касалась его лишь для того, чтобы оттолкнуться и снова взмыть вверх – туда, куда поднимались звуки музыки и откуда падали звёзды... Невесомая, как пылинка в солнечном свете, пушинка одуванчика на летнем ветру, или снежинка во время ночной метели. Вокруг золотистое зыбкое марево и больше ничего. Ничего, кроме неё и музыки.

Она словно видела себя со стороны. Было удивительно, совершенно не прилагая усилий, так великолепно двигаться. Будто с самого рождения танцевала!

– Вы совсем оборзели, что ли, девочки? – громкий возглас прервал столь чарующий сон.

Настя открыла глаза.

– На класс никто не собирается, я гляжу?

– Тс, новенькая ещё спит! – шепнул кто-то.

– И что теперь? Пусть привыкает просыпаться вовремя.

Хлопнула дверь. После этого раздалось несколько сдавленных смешков.

Настя сонно моргала, не в силах сориентироваться, где находится, и понять, что ей снилось – она сама, погибшая балерина, или сон навеян тем, что вчера она пристально изучала найденную статуэтку. Не меняя позы и не шевелясь, девушка обвела глазами доступную взгляду часть комнаты. Это было студенческое общежитие. Не могла же она не помнить, как заселилась в общагу! Да и вряд ли в общежитии медуниверситета такой древний ремонт. Здесь же настоящий совок! Вон даже календарь на стене за восемьдесят седьмой год.

Потом Настю осенило. Комната больше походила на спальню в спортивной школе олимпийского резерва, в которой она проучилась пару лет, когда занималась гимнастикой – на стенах и на полках какие-то награды, скакалка на ручке двери. Родители мечтали сделать из неё профессиональную спортсменку, но девушка сумела настоять на своём и бросить спорт. Её больше интересовала медицина. Настя собиралась стать врачом и в этом году блестяще сдала ЕГЭ, а потом поступила на бюджет в медицинский.

А вот что творилось в её жизни здесь и сейчас – было совсем непонятно. В комнате у зеркала стояла какая-то девушка. На кровати напротив сидела ещё одна – рыженькая, курчавая. Третью Настя не видела, но слышала её голос.

Та, что стояла перед зеркалом, была в одних трусах. Настя подивилась такой раскрепощённости и худобе. Самой ей до столь утончённого силуэта было далеко. Нет, полной она ни в коем случае не была. При росте метр шестьдесят восемь

весила около пятидесяти килограмм. Но фигура «песочные часы» и бюст второго размера теперь ей казались даже пышными на фоне подобной стройности. Тем не менее, девушка, стоявшая у зеркала, не была тощей. Красивая грудь... такую форму, кажется, называют «лисыим носиком». Точёные плечи, тонкие запястья, нос с небольшой горбинкой, смуглая кожа. У Насти были длинные русые волосы и голубые глаза. А эта девушка являлась жгучей брюнеткой с красивыми тёмными очами. Её волосы доходили до ягодиц и слегка завивались на концах.

Наконец, надев платье и собрав свою шикарную копну в хвост, она вышла из комнаты. И тут же началось обсуждение какой-то Таньки. Наверное, именно она ею и была.

– А Танька-то, знаешь, какую партию с Тайгрном репетирует? – щебетала рыженькая. – Гаянэ.

– У нас «Гаянэ»² будут ставить? – воскликнула наконец появившаяся в поле зрения третья девушка, блондинка.

– Ага, вроде бы только отрывок. Тебе-то в этот балет путь заказан. Явно на армянку не тянешь.

Обе засмеялись.

– О, новенькая проснулась, – оживилась рыжая. – Привет.

---

² «Гаянэ» – балет Арама Хачатуряна в четырех актах. Это яркий пример произведения искусства, созданного по политическому заказу. «Гаянэ» принадлежит неоспоримая пальма первенства по количеству постановок. Этот балет принимался зрителями восторженно на всех сценах мира, где он исполнялся, благодаря самобытности музыки, гармонично соединившей в себе классические основы и ярко выраженный национальный характер.

Ты же Настя? Мартынова?

– Д-да, – с запинкой ответила девушка.

Таиться теперь не было смысла. Она откинула одеяло и села.

– Слышали, что ты вчера заселилась. Но мы допоздна были на репетиции, а когда пришли, ты уже спала. Кстати, я Тома.

– А я Катя, – улыбнулась блондинка.

Настя заметила на тумбочке свою балерину. Кстати, вчера она таки нашла на статуэтке синее клеймо в виде короны – знак производителя и год производства. Судя по надписи, создали балерину в 1936-м. На ней имелась надпись Unterweissbach (Унтервайсбах), значит, статуэтка привезена из Германии.

Всё окружающее Анастасию пространство было иным, не таким, каким она привыкла его ощущать. Но сказать, что конкретно не так, было пока трудно. Из отдельных деталей постепенно складывалась картинка реальности. Сначала календарь, теперь одежда. Она обратила внимание, что одежда её соседок была совсем не современной. Что-то подобное девушка видела на детских фотографиях родителей и старых снимках бабушки. Лосины? Да кто их сейчас носит? Джинсовые мини-юбки? Ну, допустим. Но футболка с Майклом Джексоном, висевшая на спинке стула...

– Слышали? У нас в краеведческом новая выставка открывается к семидесятилетию Октябрьской революции, – заме-

тила Катя, в свою очередь подойдя к зеркалу и принявшись наводить красоту. – Я думаю сходить.

– Да ну, ты серьёзно? – фыркнула Тома. – Уверена, что там скучно.

Семидесятилетие революции? Настя ошарашено переводила взгляд с одной девушки на другую. Историю она знала отлично и прекрасно помнила, что год революции – 1917-й. Значит, недавно отметили столетие – в 2017-м...

– А точно к семидесятилетию? – неуверенно подала она голос. – С чего бы?

– Как это с чего? В этом году вообще намечаются грандиозные празднования. Горбачёв в своем докладе...

Анастасия недослушала, соскочила с кровати и подошла к окну. Местность девушка узнала сразу. Старый центр её родного города. Только не было на привычном месте кафе «Плакучая ива», исчез бюст первого мэра и рекламные щиты. Да и зелёных насаждений не оказалось там, где они ещё недавно были. Зато слева обнаружилась красивая аллея, по обеим сторонам которой стояли тополя. Такого места Настя совершенно не помнила, даже готова была поклясться – этой аллее никогда здесь не было.

Чтобы поверить в случившееся, нужно явно быть не в себе. Но никакого иного объяснение, кроме того, что она оказалась в прошлом, Настя найти не могла. Накрыла паника. В ушах зашумело, сердце заметалось, стремясь попасть куда-то в горло. Анастасия помнила, что при сильном волне-

нии или стрессе нужно попить воды – глотательные движения помогают сердцу вернуться в нормальный ритм. Увидев на столике у двери стакан и чайник, так и сделала.

– Эй, всё нормально? – оглянулась на неё Катя.

– Да. Что-то голова болит.

– Так ты, может, в зал не ходи сегодня? Освойся тут. Мы тебя отмажем.

– Ты что, ей от Валентины влетит! – испуганно уставилась на блондинку Тома.

Та лишь отмахнулась.

Когда все отправились на класс, Настя, наконец, получила возможность побыть наедине с собой и всё обдумать. Она, конечно, читала про попаданцев в другие миры и в прошлое. И фильмы такие видела. Даже какой-то российский сериал о том, как мужик попал в СССР. Но как такое могло случиться с ней самой? Это же всё не может происходить на самом деле! Или может? Невольно вспомнилась прочитанная накануне статья о ведьмах Третьего рейха. Что если статуэтка принадлежала одной из таких женщин, поэтому она обладает мистическими свойствами?

Девушка открыла стоявшую у её кровати тумбочку. Там оказались различные мелочи вроде косметики, расчёсок, заколок. Ленинградская тушь, в которую нужно плевать, чтобы накраситься... Настя с тоской закатила глаза.

В чемодане обнаружилась одежда как раз её размера. И тоже крайне устаревших фасонов. Такое, наверное, ещё её

бабушка носила. Должно быть, она попала сюда вместо какой-то своей тёзки, настоящей Анастасии Мартыновой.

Девушка задумалась – что делают попаданцы в первую очередь? Как назло, ничего не приходило в голову. Но вдруг её осенило – нужно понять, зачем она здесь, выполнить возложенную на неё миссию, и тогда она вернётся домой! Своё приключение она связывала с найденной статуэткой и останками. Все увиденные ею студентки были как на подбор стройными, прямыми, будто палки, и очень хрупкими. «Балерины? Точно, у них же в институте культуры, в который Костик поступил, когда-то было балетное отделение», – подумала Настя. Но его закрыли ещё в двухтысячном или даже раньше. Или это «кулёк» потом образовался на базе хореографического училища? Не важно. А что, если та погибшая – одна из её соседок? Значит, ей нужно выяснить, кто именно, и предотвратить несчастье. Но как это узнать? И как не подать виду, что она совсем не из этого времени? Только бы не проговориться о том, что произойдёт в девяностых. Тут же, скорее всего, все ещё верят в светлое коммунистическое будущее. Радует, по крайней мере, то, что она не оказалась в каком-нибудь пятнадцатом веке где-нибудь в Турции...

Постойте-ка... А ведь получается, она и сама теперь балерина? Настю накрыла очередная волна страха. Она читала, какая адская у балетных танцовщиц жизнь. Классы, растяжки с утра до поздней ночи, жёсткие ограничения в еде, травмы, стёртые до кровавых мозолей ноги... Она уж точно не

потянет такое существование! Этим нужно заниматься с самого детства. А начинать в семнадцать уже наверняка поздно! Даже если ты сама – бывшая спортсменка.

Неожиданно Анастасии пришла в голову удачная идея. Если она в своём же городе, и в относительно недалёком прошлом, значит и её близкие здесь! Попробовать связаться с ними? Но через секунду радость потухла. Её родители – ещё совсем дети. Отцу десять, матери семь. А бабушке сейчас нет и тридцати. Она сочтёт ненормальной девицу, которая придёт и заявит: «Здравствуйте, я ваша внучка».

Настя вспомнила, что семья отца переехала сюда гораздо позже. Да и где жили родители матери, она точно не знает. Так что теперь и не найти никого. Значит, увидеть ещё живых и молодых дедушек и вторую бабушку – мать отца, не удастся.

Девушка села на кровать и взяла в руки статуэтку балерины. Снова принялась её рассматривать, гадая, как такая красота могла оказаться среди хлама в подzemелье.

Она не слышала, как отворилась дверь и в комнате появилась Татьяна. Только теперь на ней было не платье, а чёрный купальник, лосины, короткая юбка, гетры и наполовину растёгнутая спортивная куртка. Тяжёлые тёмные волосы были убраны в узел на затылке.

– Эту балерину мой дед привез из Берлина в сорок пятом, – заметила она, параллельно роясь в своем шкафчике.

– Так это твоя статуэтка? – спросила у неё Настя несколь-

ко разочарованно.

– Ну да. Я, можно сказать, благодаря ей и пошла в балет. С детства ею любовалась. Хотела быть на неё похожей.

После некоторой паузы, Таня заметила:

– А ты зря сегодня не пошла на класс. Валентина орала.

– Кто это?

– Наш хореограф Валентина Валерьевна, – Татьяна поглядела на неё снисходительно.

– Это она сказала утром, что мы оборзели?

– Да.

– Грубиянка какая-то.

Таня лишь пожала плечами. Взяв из шкафа нужную вещь, девушка так же быстро испарилась. Настя посмотрела на дверь. Вот и нашлась хозяйка статуэтки. Выходит, это её останки покоились в деревянном ящике? Кто же и за что так поступил с этой хрупкой большеглазой девчонкой, которой на вид едва ли дашь шестнадцать? Переведя взгляд снова на балерину, Настя мысленно спросила: «Ты хочешь, чтобы я предотвратила гибель твоей хозяйки?» Фарфоровая красавица оставалась безмолвна.

– И как я это должна сделать? – уже вслух поинтересовалась девушка. – Я что, всемогущая? Если уж перенесла меня сюда, так помогай!

Однако ответа не дождалась.

Побродив по комнате, рассматривала вещи своих соседок и пыталась угадать, какой у каждой из них характер. Улыб-

нулась, мысленно сравнив себя с Тоськой – героиней советской комедии «Девчата». Это был один из любимых фильмов её бабушки, поэтому в детстве она смотрела его очень часто. Потом Настя взяла со стола блюдо с яблоками, села на подоконник и поставила его рядом. В животе урчало от голода, но она не замечала этого. Где-то прогрохотал трамвай.

Грустные мысли то и дело накатывали очередной волной отчаяния. Как же там её мама? С ума, наверное, сходит. Где она сама будет брать деньги? Что, если приедут родители настоящей Насти Мартыновой? Вопросы наплаивались один на другой, а ответов не находилось. Может быть, сказать этой Тане прямо: «Тебя ждёт опасность. Будь осторожнее». Например, сделать вид, что она может предсказывать будущее. Однако есть риск, что её сочтут сумасшедшей.

А вдруг в той своей нормальной жизни, в 2019 году, она умерла? Вдруг там всё закончилось? Бывает же, что люди умирают во сне. Эта мысль так поразила Настю, что она побледнела. Снова накрыла паника и какой-то животный страх. Если она умерла, то уже никогда не сможет вернуться!

Осознание всего произошедшего приходило постепенно, не сразу. Вызывая то ужас, то восторг. Если это случилось с ней, значит, она особенная, значит, сильная и сможет всё сделать, как надо! И следом другая мысль – ну почему это случилось с ней! Она ещё почти ребёнок, недавно окончивший школу! Она слабая девочка, которая никогда ни за что не боролась!

Настю бросало из крайности в крайность. То её трясло, как в лихорадке, то наступало абсолютное безразличие. Её реальный мир отсюда выглядел просто идеальным, светлым, добрым и почти сказочным. Действительность, в которой она по воле рока оказалась, пугала. А ещё здесь всё было предрешено. Война в Афгане, развал Союза, Чечня, нищета девяностых. Ничего хорошего в ближайшие годы ждать не приходилось. Бабушка часто рассказывала о том времени, когда они всей семьёй были вынуждены торговать на рынке собранными на улице яблоками и абрикосами, а ещё собственными выращенными овощами. Это позволяло купить макарон и соевого мяса. О настоящем оставалось только мечтать. Потому что на работе зарплату не платили по полгода. Спасали огород и торговля.

Настя сидела на подоконнике, глядя в окно на осенний город – родной и чужой одновременно. Было страшно выйти за пределы комнаты. Но придётся решиться. Иначе её исключат из училища, и возложенная на неё кем-то незримым миссия будет провалена. Тогда-то уж точно не получится вернуться домой.

Девушка вся сжалась в комочек, подсознательно желая исчезнуть. Было ощущение, словно она за эти несколько часов прожила несколько жизней. Она ничего не делала, никуда не ходила, но чувствовала себя выжатой, как лимон. Эмоции так бесновались, переполняя душу, что, в конце концов, опустошили её. Нужно было отключиться хоть на какое-то

время и ни о чём не думать. Но получится ли?

Незаметно потемнело. Неужели она вот так просидела весь день? Настя оглянулась, нашла взглядом балерину, а потом снова посмотрела в окно. Город теперь светился огнями. Фонари, много фонарей и совсем нет неоновых вывесок. Непривычно было видеть его таким.

Вечером девочки позвали её ужинать, и случилось то, чего Настя боялась больше всего. Тома, жуя салат, спросила:

– Расскажи, как там у вас в училище было? И почему ты к нам перевелась? Говорят, у вас очень сильная балетная школа, не в пример нашему захолустью.

Настя испуганно сглотнула ком. Кто знает, из какого города по легенде должна была приехать настоящая Анастасия Мартынова? Надо было хотя бы в «свои» документы заглянуть.

– Да... родители переехали сюда, вот и пришлось... – пролепетала девушка.

Глава 3. Впервые на пуантах

Валентина действительно орала. Это по-другому и назвать-то нельзя. Но Настя была ей благодарна за вчерашнее вторжение. Как раз когда её начали расспрашивать о прошлом, примчалась их хореограф и строго отчитала новенькую за прогул.

– Завтра я с тебя три шкуры спущу, имей в виду, Мартынова, – строго заявила тонкая, как тростинка, женщина с короткой стрижкой и суровым выражением лица.

Настя постаралась стать ещё ровнее. Взгляд её упирался в спину стоящей впереди у станка балерины. Вчерашний день, перенасыщенный эмоциями, вылился в спокойную ночь с глубоким здоровым сном. Утром, отдохнувшая и успокоившаяся, Анастасия увидела всё в другом свете. Она решила воспринимать случившееся, как игру или приключение.

Сейчас удалось рассмотреть хореографа лучше. Наконец, решившись отвести глаза от идеально ровных спин девушек, Настя воззрилась на Валентину Валерьевну. Преподавательница была немолодой сухопарой и очень резкой дамой. Несмотря на несколько мужскую манеру общения, каждому её движению была присуща неуловимая элегантность.

Педагог её сразу невзлюбила. Во всяком случае, Насте так показалось. Кроме неё хореограф постоянно покрикивала на Татьяну.

– Гальская, спину держи. За разворотом плеч следи! Тяни носок!

По мнению Анастасии, более отточенных движений здесь ни у кого не выходило. Поэтому Валентина к Тане просто придиралась.

На классе оказалось очень тяжело. Гораздо хуже, чем она себе представляла. Первые полчаса Настя изо всех сил старалась не отставать от других девочек. Все эти «фуэте», «гран батман», «плие», «фондю», «жэтэ»... Балетные движения имели красивые непонятные названия, запомнить которые она пока даже не пыталась. Главное – научиться правильно двигаться. Молодое спортивное тело всё схватывало на лету. Но с непривычки быстро наступила усталость. Настя уже не так тщательно следила за осанкой и точностью выполнения па. В зеркале она не отличалась от одноклассниц – это воодушевляло. Однако к середине урока девушка была готова рухнуть от скручивающей все мышцы боли, в то время как остальные выглядели так же свежо, как вначале. Анастасия успокаивала себя тем, что другой на её месте было бы ещё тяжелее. Она, по крайней мере, когда-то профессионально занималась спортивной гимнастикой и до сих пор садилась на шпагат.

Теперь она поняла, почему даже совсем лёгкий завтрак был лишним. Казалось, что съеденный бутерброд сейчас просто разорвет ей желудок и вывалится наружу. Кстати, в своей сумке Настя нашла паспорт и деньги. Судя по сумме,

немалые. Ещё бы разобраться в местных ценах.

По лбу катились крупные капли пота, в ушах шумело, ноги и руки дрожали. А этот проклятый класс всё не заканчивался! Если вначале она ещё более-менее умудрялась скоординировать свои движения, то сейчас все конечности работали сами по себе, абсолютно бессвязно. А голова и вовсе, похоже, готова была отключиться. Спустя час мысль осталась всего одна: «За что мне это?» Она пульсировала где-то в мозгу, как лампочка над входом в оперблок.

– Мартынова, что с мышцами кора? – Настя вздрогнула, услышав свою фамилию, произнесенную резким голосом Валентины.

Что такое мышцы кора, она знала. Это мышцы спины и пресса. Именно они, если хорошо проработаны, дают знаменитую балетную осанку. Собравшись из последних сил, девушка напрягла не только их, но вообще всё, что можно.

– И плечи опусти! – не унималась Валентина Валерьевна. – Лопатки должны быть сведены вместе, плечи опущены, шея вытянута! Сколько раз вам это повторять?

Настя всю жизнь считала, что у неё короткая шея. Но тут, пока тянула подбородок вверх, а плечи вниз, наконец, обнаружила, что шея вполне себе лебединая. Несмотря на адское напряжение и боль, постепенно пробуждалась уверенность в себе. Оказывается, у неё довольно гибкое, стройное тело. И вообще, как бы там дальше всё ни повернулось, а эти занятия даже полезны. Может, когда вернется, займётся, нако-

нец, фитнесом. Или боди-балетом.

Мысли незаметно снова вернулись к её проблемам. Настя теперь уже окончательно поняла, что ей придётся как-то устраиваться здесь, в этом времени и в этой, чуждой ей, ипостаси. Поэтому нужно придумать себе какое-то прошлое.

После общей разминки и растяжки хореограф дала возможность девочкам немного отдохнуть, а сама вызывала к себе некоторых и рассказывала обо всех их ошибках и недочётах, показывала, как правильно выполнять те или иные элементы или танцевальные связки. Всё это сопровождалось шутками, фактами из истории балета, рассказами о каких-то курьёзах. Настя заметила, что начинает проникаться к педагогу симпатией. Она не ожидала, что Вава, как между собой называли Валентину девушки, окажется вполне себе нормальной и даже весёлой.

Отдав всё детство спортивной гимнастике, Настя и не подозревала, что танец может быть настолько тяжелее профессионального спорта. Может быть, потому что привыкла к иным нагрузкам. А тут все движения выполнялись в выворотных позициях, все мышцы были практически постоянно напряжены. Нужно было удерживать баланс в порой очень неустойчивых позах. «Но на то она и строгая классическая хореография», – думала девушка.

Пока Анастасия переводила дух между прыжками и арабесками, попутно вникая в экскурс о закулисной жизни Театра оперы и балета, прошло ещё минут двадцать. Девуш-

ка незаметно бросала в зеркало короткие взгляды, любуясь собой. Пока стояла у станка, все движения выглядели вполне уверенно. На середине зала повторить то же самое оказалось гораздо сложнее. Иногда она даже внутренне посмеивалась над самой собой. Тем не менее, появилось ощущение, что она занимается чем-то очень красивым и женственным. Знакомая эйфория, обычно всегда приходящая после физических нагрузок. Но этот пропитывающий до кончиков пальцев трепет от мысли, что она теперь настоящая балерина, был каким-то новым ощущением. Мощным и невероятным.

Настю Валентина к себе не подзывала и на ошибки больше не указывала. «Наверно, махнула рукой на безнадёжную неумеху», – подумала девушка. Странно, но эта мысль её несколько не расстроила, а наоборот. Захотелось доказать, что она способная. Только попозже, когда отдохнёт.

Когда же, наконец, Валентина Валерьевна объявила, что все могут расходиться, Настя не поверила своему счастью. Единственным желанием было упасть на кровать и вообще не двигаться пару суток.

– Гальская, останешься на репетицию, – Анастасия услышала, как хореограф обратилась к Тане.

Та послушно осталась стоять у станка, только в более расслабленной позе. Когда мимо Насти прошёл поджарый молодой человек восточной наружности, она проводила его заинтересованным взглядом. Похоже, с ним Татьяна и будет

репетировать.

Только выйдя из зеркального зала, Настя осознала, что её одежда полностью промокла от пота. Да уж, с таким нагрузками она за неделю килограмм пять сбросит.

– Это новенькая? – донеслось до неё, и девушка поискала глазами говорившего.

Им оказался высокий сероглазый парень с соломенной чёлкой.

– Ну и корова, – заметил он, глядя прямо на неё.

Сказано это было громко, во всеулышание, с нескрываемой насмешкой. Юноша стоял неподалёку, окружённый несколькими девицами из её группы. Все они, как по команде, захихикали.

К физической боли добавилась невыносимая обида. Настя не поверила. Разве это о ней? Нет, такого не может быть! Её никогда никто не травил в школе. Её уважали. И она всегда привлекала внимание парней. Что с ней теперь не так, что её открыто оскорбляют? Будь это девчонка, она бы списала всё на зависть. Но молодой человек... Настя чувствовала, что готова зареветь. Схватив сумку, не глядя по сторонам, ринулась прочь. Парень проводил её насмешливым взглядом и отвернулся.

– Фух, Валентина сегодня в ударе! – раздалось рядом.

Настя обернулась – быстро шагая, её догоняла Тома. Закинув на плечо спортивную сумку с формой, она забавно сдула со щеки пружинистый рыжий локон. Интересно, слы-

шала ли она те слова про корову? Настя снова ощутила, как на глаза набегают слёзы, и поспешила отвернуться.

– А что, она и весёлой бывает, оказывается? – спросила девушка, чтобы скрыть своё состояние.

– Ой, да она иногда такие угарные байки травит про своё балетное детство! Когда я впервые к ней попала, то на первом же занятии поняла – вот он, преподаватель моей мечты. Строгая, но весёлая. Каждое занятие проходит с юмором и... болью. Она в прошлом профессиональная балерина, поэтому дисциплина у нас железная. Хочешь не хочешь, а всё равно согнёшься.

Тома говорила оживлённо и двигалась так легко, словно для неё не было этих двух часов за балетным станком.

– Неужели сколько не растягивайся, всё равно всегда будет больно? – Настя с надеждой посмотрела на одноклассницу, ожидая отрицательного ответа.

– Какой-то странный вопрос. Мне его подруги, далёкие от балета, обычно задают, – та подозрительно сощурилась. – А ты давно занимаешься?

– Конечно. С детства, – уверенно соврала Настя. – Просто я не очень гибкая.

– На классе мне так не показалось. У тебя неплохо получается. Вообще нас ещё в детстве учили тому, что самое главное – хорошенько разогреться. И расслабиться. Тогда будет легче. А ещё нужно научиться отключаться от боли. Любимая фраза Вавы, которую она нам часто повторяет, – «нико-

гда сам не знаешь, на что способен». Я с ней согласна. Смотрю на всё, чего я достигла, что уже умею, и поражаюсь, насколько безграничны возможности человеческого тела.

Анастасия вдруг подумала, что лицо Томи кажется ей отдалённо знакомым. Словно она видела её раньше, но не могла вспомнить, где.

Девушки неспешно шли по прилегающему к училищу парку. Театр оперы и балета располагался неподалёку. Сейчас это здание выглядело куда презентабельнее, чем в 2019-м.

– На Мартовицкого не обращай внимания. Он у нас местная звезда. Родители когда-то в Москве в Большом работали, вот он и вообразил себе, что он тут главный.

– Кто такой Мартовицкий? – не поняла Настя.

– Артём. Ну, тот, что тебя коровой назвал. Тёма, он такой. Любитель покрасоваться. Всю жизнь воображает себя возвышенной натурой, вышагивает, тянет носочек. Короче, у него комплекс несостоявшегося человека. Срывается периодически и остро реагирует, если у кого-то в работе что-то получается.

– А вот этот парень, не русский, он кто?

– Какой? А, Тайгрян? Пашка очень хороший! Он в Театре давно танцует. Но у него жизнь балетом не ограничивается, слава богу. Премьером быть не хочет. Балет – это больше привычка, даже не для души уже. Любит путешествия, рок на гитаре играть, немецкий язык, спорт, читать книги.

Недавно говорил, что устал от того, что все друзья только из балета, нет ни одного нового лица, человека, который мог бы показать что-то новое, научить чему-то. Девушки ему балетные не нравятся. Говорит, что ужасны все эти закулисные игры. Мартовицкий считает Пашку своим главным конкурентом. А тут ещё Тайгряна в «Гаянэ» на роль Армена поставили. Ой, что начнётся!

– Ты так хорошо этого Павла знаешь, – удивилась Настя.

– Мы, можно сказать, друзья.

Но по заискрившемуся взгляду Тома Анастасия поняла, что они не просто друзья. Точнее, самой Томе, кажется, хотелось бы это исправить. На её лице отразилась неприкрытая влюблённость, когда она говорила об армянине.

– А сама ты дальше планируешь танцевать в Театре, или балет – это просто увлечение? – осторожно спросила Настя.

– Конечно, планирую служить в Театре. Зря я, что ли, всю жизнь этому отдала? Но у меня таких амбиций, как у Катьки или Таньки, нет. Они, думаю, примамы стремятся быть, в Москву уехать. Хотя кому мы там нужны? Туда со всей страны такие же дурочки едут.

Болтовня быстро помогла забыть об обиде и слёзы исчезли. Про планы самой Насти Тома не спросила. Но та и не знала, что ответить. Её, несмотря на боль и усталость, привлекал балет. Это действо, когда стоишь у станка вся подтянутая, с идеально ровной спиной, вытянутыми коленями, поджатыми ягодицами и вывернутыми стопами, и исполняешь па

под классическую музыку, – завораживало. Очень приятно смотреть на себя и других. Это просто красиво. Даже сейчас, идя по улице, она физически ощущала, как стопы сами собой при ходьбе разворачивались немного наружу, талия как будто очертилась более явно благодаря прогибу в спине. Ну и некая лёгкость, грациозность появилась. Если даже всё это ей только казалось, ощущения были невероятные.

Ходьба немного уменьшила боль в мышцах. Но Настя знала, что главное ещё только впереди. Завтра её ждёт жестокая крепатура. Хотя сейчас она думала о том, что пока все вычитанные когда-то в интернете и случайно увиденные в передачах по телевизору ужасы балета оказались мифом. Конечно, по одному классу сложно судить, но никто её прутом по икрам не стегал, как иногда пишут в якобы правдивых статьях. Нагрузка тяжёлая, но выдержать её здоровой семнадцатилетней девушке вполне под силу. А вот насколько хорошо у неё получалось выполнять движения – это вопрос... На самом деле исключить из балетного училища могут из-за любой мелочи. Где-то она читала, что одну девушку выгнали, потому что у неё выросла слишком большая грудь.

– Слушай, как ты думаешь, у меня нормальная грудь? – вдруг спросила она у Томи.

Та посмотрела на неё удивлённо, потом оценивающе вззиралась на бюст.

– Да нормальная, вроде.

К концу второго дня пребывания в общежитии Настя поняла, что Татьяну в комнате никто не любит. Это было чем-то неосознанным, витавшим в воздухе. Девочки при Тане особо не болтали, а как только она покидала спальню – тут же принимались судачить о ней. Сама Таня этой нелюбви не замечала или ей было глубоко плевать. Девушка совсем не обращала внимания на то напряжение, которое возникало при её появлении. И этим как-то невольно ставила себя выше остальных, выделялась на общем фоне.

Насте она нравилась. И ей было не понятно, почему все недолюбливают Таню. Её гораздо больше раздражала настойчиво пытавшаяся с ней подружиться Тома. Должно быть, она решила, что Анастасия положила глаз на её ненаглядного Тайгрена, поэтому стремится держать соперницу поближе. Да и Катя, постоянно наводившая красоту, тоже не вызывала особой симпатии.

Нужно было узнать о Татьяне как можно больше. Но обсуждать её с девочками было неприятно. А попытаться самой сблизиться с той Анастасией не решалась. Не любила быть навязчивой.

Перед сном, когда свет в спальне уже потушили, и юные балерины легли в кровати, Настя выскользнула в коридор, чтобы посетить уборную. За пределами комнаты горел тусклый свет, было прохладнее, чем внутри, и пахло жареной картошкой. Странно. Даже в общежитии балетных танцов-

щиков ею пахнет! словно это традиционный аромат любого общежития и не имеет значения, кто в нём проживает – спортсмены, строители, медики или кто-либо другой.

В тишине девушка услышала доносившиеся со стороны кухни приглушённые голоса. Что заставило Анастасию подойти к неплотно прикрытым дверям – она и сама в тот момент не могла сказать. Какое-то интуитивное чувство подтолкнуло это сделать. Свет в кухне был выключен, но всё можно было разглядеть благодаря фонарям за окном. Настя увидела стоявшую в профиль Таню в одной пижаме, поверх которой была накинута мужская синяя олимпийка. Но самым интересным было то, что девушка прижималась к Тайгряну! Он бережно обнимал её, целовал и вытирал ей слёзы. Такая миниатюрная на его фоне, словно фарфоровая статуэтка, вылепленная искусным мастером... Её тонкие руки вокруг его шеи, его сильные, бугрящиеся мышцами – на её талии. Его упрямый подбородок над её лицом. В этом всё столько возвышенной красоты и ни капли пошлости. Ими тянуло любоваться. Не подглядывать исподтишка, а именно открыто любоваться, как, например, героями кинофильма или спектакля.

– Всё будет хорошо, Танюша, – нежно говорил парень, гладя красавицу по волосам и касаясь губами её виска.

– Мне так больно, Паша, – пожаловалась она. – Может, к врачу сходить?

– Может. Только боюсь, тебе на время запретят танцевать.

– Значит, пока на обезболивающих. Схожу после премьеры.

«Вот те на! Не нравятся ему балетные девушки, значит», – Настя поспешила бесшумно уйти.

Глава 4. Чужая тайна

Первая мысль, мелькнувшая утром, – она умирает. Настя чувствовала себя дряхлой старухой. Или как будто её жестоко избили. Больно было не только шевелиться, но даже дышать. Где-то внутри живота болели мышцы, о существовании которых обычно люди даже не догадываются. Эйфория от вчерашнего класса растаяла вместе со сном. Одно желание – вообще не двигаться и не говорить. Но как раз оно в данный момент являлось несбыточной мечтой. Нужно вставать и плестись на занятия.

Единственным спасением были отвлекавшие от боли размышления о её деле. Кажется, кое-что начало проясняться. У Тани тайные отношения с Тайгряном. В него же влюблена Тома. Это уже повод для ненависти к сопернице. Катя, похоже, не любит Таню из-за того, что та всюду её обходит и более успешна в балете. Так что у Гальской есть, как минимум, двое недоброжелателей. Вряд ли кто-то из них решился бы на убийство. Но Насте казалось, что в своём расследовании она на правильном пути. Правда, Тома, скорее всего, пока не в курсе отношений соседки по комнате с предметом собственных вздыханий. Но не зря же говорят о женской интуиции. Подсознательно она что-то чувствует – отсюда и неприязнь.

Страх, что её исключат, оказался сильнее боли. Поэтому

во время экзерсиса Настя, подражая другим девочкам, старалась держаться бодро. Пока в зале не появился Мартовицкий. Одет он был не в спортивную форму, а в джинсы и рубашку. Ничего себе! Настя знала, что джинсы в те годы не каждый мог себе позволить.

Артём держался по-хозяйски. Вальяжно кивнул Ваве, словно был с ней на равных. Став у двери, молодой человек наблюдал за классом.

Настя, и так с трудом преодолевавшая крепатуру, вспомнила о его оскорбительной реплике в свою сторону. Настроение мигом рухнуло ниже плинтуса. Ей стало казаться, что он смотрит только на неё и насмехается над её неповоротливостью, огромной задницей и блестящей от пота физиономией.

Присутствие этого парня совершенно вывело девушку из равновесия. Его внимательный взгляд вызывал волнение, из-за которого Настя стала ошибаться и спешить. В какой-то момент она вдруг оступилась и подвернула ногу.

Резкая боль заставила опуститься на пол. Анастасия едва не вскрикнула, но сдержалась, издав лишь короткое «ай». Все остались на своих местах. Кроме Валентины и, почему-то, Тани. Хореограф принялась расспрашивать о самочувствии, а Гальская присела рядом, взяла Настину лодыжку и умело ощупала. Тонкие пальцы с удивительной силой и осторожностью касались повреждённой ноги.

– Так больно? – нахмурившись, Таня посмотрела Насте в

лицо.

– Уже не очень, – прошептала та.

Татьяна повернулась к Ваве.

– Ни перелома, ни вывиха. По-моему, просто небольшое растяжение. Плохо разогрела мышцы.

Та сосредоточенно покачала головой.

– Зафиксируешь эластичным бинтом. Таня покажет как. И, в принципе, можешь продолжать, если в состоянии терпеть.

Настя осторожно поднялась на ноги. Скользнула взглядом по равнодушным лицам присутствующих, споткнулась о мерзкую улыбку Мартовицкого и тут же испуганно отвернулась. Вся вчерашняя уверенность в себе куда-то испарилась. Но сквозь пульсирующую боль в ноге, отчаяние и застилавшие взор слёзы пробивалась мысль о том, что Таня была единственной, кто проявил к ней сочувствие. Не набивающаяся в подружки Тома, не прикидывающаяся добренькой Катька, и даже не педагог, которой было важнее, чтобы она продолжала заниматься. Благодарность и уважение к Татьяне отозвались теплотой в груди.

– Да, Артём, что ты хотел? – Вава уже, кажется, позабыла о пострадавшей воспитаннице и направилась к Мартовицкому.

Значит, он пришёл к ней по какому-то делу! Настя облегчённо выдохнула. Конечно, не мог же он явиться, только чтобы посмеяться над ней, но именно этим она сначала объяс-

нила себе его появление.

Артём и Валентина Валерьевна вышли за дверь, о чём-то коротко переговорили, и Вава вернулась одна. Похлопала в ладоши, чтобы привлечь к себе внимание.

– Девочки, у меня для вас объявление. Как вы знаете, уже некоторое время мы репетируем отрывок из балета «Гаянэ». Так вот только что мне сообщили, что наш режиссёр решил ставить балет полностью и отныне у каждой из вас есть шанс в него попасть.

Балерины возбуждённо зашебетали, кто-то радостно пискнул и зашушукался. Настя невольно оглянулась на стоящую у станка Татьяну. Та оставалась невозмутима, словно происходящее её совершенно не касалось.

После занятий Настя сидела на скамейке в парке и плакала. Сегодня всё кардинально изменилось. Ей не везло. Ей было страшно и трудно. Желание оказаться дома, рядом с родителями, переполняло.

Когда заметила Тому, смахнула слёзы и, шмыгнув носом, попыталась улыбнуться.

– Вот это ты сегодня выдала, – девушка уселась рядом, поставив на скамейку свою спортивную сумку. – Я за тебя испугалась.

Настя промолчала. «Заметно, как ты испугалась», – подумала она, вспомнив, что Тома даже не пошевелилась, чтобы помочь.

– На самом деле балет очень травмоопасен. Я уже несколь-

ко раз растягивала связки. Но больше всего боюсь за колени. Это для любого артиста балета слабое место. Наша «ахилле-сова пята». Колени на себя принимают всю нагрузку. Получишь травму коленного сустава, и всё, можно попрощаться с карьерой. А то, что с тобой случилось, – нормально. Не стоит слёз. Вначале травм не избежать. После школы балета в училище, а тем более, когда приходишь танцевать в театр, травмы случаются у всех. Потому что ещё не достигли профессионального мастерства и в сложных ситуациях не всегда умеем правильно владеть собственным телом. А тут ещё и нагрузки возрастают. Так что со всеми бывает.

И всё же Тома была не плохой. Пыталась подбодрить, отвлекала разговорами. Она же, наверняка, заметила следы слёз на её лице, но открыто жалеть не стала. Жалость Настю всегда угнетала, как и любого спортсмена.

– Мне разрешили завтра не приходиться на класс, – заметила девушка. – Чтобы не перенапрягать ногу.

– Да? Я бы на твоём месте всё равно пошла. Будут выбирать массовку для «Гаянэ».

Настя пожала плечами. У неё всё равно не было шансов попасть в спектакль. Не будучи профессиональной балериной, оказаться на сцене? Не дай бог!

– А пойдём в краеведческий на выставку? – предложила неожиданно Настя. – Или по магазинам пробежимся.

Девушка решила, что раз уж от назойливого внимания Тома ей не отделаться, то нужно, по крайней мере, использо-

вать это общение себе во благо. Думать и говорить о балете надоело до тошноты. Пока она в прошлом, можно своими глазами увидеть, каким когда-то был её родной город. Бабушка столько рассказывала про жизнь в СССР! А тут выпал шанс самой всё узнать и прочувствовать. Настя в предвкушении подскочила со скамейки. Даже боль в ноге её не остановит. Одной гулять по городу скучно, а вдвоём точно веселее.

Музей находился недалеко, и от старого центра подняться к нему не составляло труда. День выдался тёплый, и разгуливать по улицам после изнуряющего класса оказалось невероятным удовольствием. Даже мороженым решили себя побаловать.

Приветливый персонал музея, интересные экспозиции о природе родного края, его древней истории, народном наследии, о годах Великой Отечественной войны и современности заметно подняли Анастасии настроение. Она уже была несколько раз в этом музее во время учёбы в школе. Но, оказывается, в 80-х годах экспозиций было поменьше.

– Ой, и легендарный мамонт на месте! – заметила девушка, остановившись у гигантского скелета.

– Куда ж он денется, – с философским видом бросила Тома.

Её поход в музей радовал гораздо меньше.

– Я всегда думала, что не люблю музеи, – восторженно заявила Анастасия. – Но оказалось, что люблю.

Здесь как будто остановилось время и ей казалось, что выйдя на улицу, она снова окажется в своем две тысячи девятнадцатом году.

– Мою маму здесь в пионеры принимали, – сообщила Тома, когда они покинули здание.

Настя потянула её в ГУМ. Шумная, многолюдная улица и очереди у прилавков с одеждой ей почему-то безумно нравились. У самой в душе появился некий азарт. Захотелось что-нибудь купить – модное и дорогое.

– Слушай, а джинсы где можно взять? – спросила она у Тома.

Та уставилась на девушку недоуменно.

– Разве что в «Берёзке» какой-нибудь. Или с рук. У нас в ГУМе точно нет.

– Жаль. А у нас их полно везде, – вдруг, не подумав, выдала Анастасия и запнулась.

– У вас – это где? Ты что, за границей жила? – пристала к ней балерина.

– Да... – Настя махнула рукой, дескать, не важно.

Но подруга просто так не желала отвязываться.

– Потом как-нибудь расскажу, – пообещала ей девушка.

А сама закусила губу. И зачем врала? Теперь придётся что-то придумывать. Она же всем растрезвонит, что Мартынова была за рубежом.

Всё же этот мир был ей чужд. А как вернуться в свой, такой родной и уютный, она понятия не имела. И балет, и все эти

люди вокруг заставляли её притворяться, строить из себя то, чем она не была. Анастасия устала. И от классов, и от лицемерного общения. С Томой она вынуждена делать вид, что дружит, в зале – что умеет танцевать на пуантах. А искренне поговорить о том, что её на самом деле тревожит, попросту не с кем.

Но солнечная и жаркая, почти как летом, погода, совершенно не располагала к грусти. Нужно помнить, что всё это не по-настоящему. Девушка невольно улыбнулась. И с оптимизмом подумала, что всё же здесь весело – можно насочинять о себе каких угодно небылиц, практически придумать собственную жизнь. Тут можно быть кем угодно, и это тоже своего рода свобода.

– Чего это тебе джинсы понадобились? – не унималась Тома, попутно рассматривая одежду на манекенах. – Из-за Артёма, что ли?

– С чего бы? – пожала плечами Настя. – Я даже не заметила, что он в джинсах.

До Артёма и его гардероба ей действительно не было никакого дела.

– Тёма такой пижон! У него этих джинсов несколько пар, причём самых модных – Ли Ридерс и Леви Страусс.

– Всегда думала, что самые модные – это Монтана.

– Чушь. Мой брат говорит, что в Ленинграде Монтана считается «пшековским» дерьмом и стоит дешевле, чем настоящие Вранглер, Ли, Леви. Просто за счёт американского

флажка на кармане она так любима «колхозниками».

Тома говорила достаточно громко и уверенно. Настя спорить не стала. Лишь отметила несколько брошенных в их сторону возмущённых взглядов.

В моде того времени Анастасия не разбиралась. А по рассказам родителей знала, что восьмидесятые были самым пиком моды на джинсы, но достать их тогда было чрезвычайно трудно. Не удивительно, что такая роскошь имела в то время у танцора. Все, кто имел возможность выезжать за границу, обязательно покупали себе джинсы – спортсмены, музыканты, актёры. Пара джинсов могла стоить около двухсот рублей! А зарплата у многих была всего около ста или ста пятидесяти рублей – и это в лучшем случае. Бабушка, после училища работавшая библиотекарем в университете, сначала получала всего сорок рублей. При таких деньгах джинсы для неё казались чем-то недостижимым, как покорение Эвереста или полёт в космос.

После путешествия по ГУМу отправились в кафетерий, полюбовались на стоявшие в витрине бисквитные, миндальные, лимонные, песочные, ванильные торты и пирожные. Настя с жадностью уставилась на любимый «Верантоль», но после недолгих колебаний всё же нашла в себе силы ограничиться стаканом сока. Вот она, жестокая дань богу балета – отказ от вкусовостей. И не от каких-то там, напичканных консервантами, красителями и дешёвыми растительными жирами, а настоящих, на сливочном масле, яйцах, натуральном

сахаре и сливках. В её времени попробовать тот самый «Киевский» или «Прагу» уже не удастся. Настя пообещала себе, что всё равно однажды отведаёт советских кондитерских шедевров.

Усевшись за столик, стоявший близ окна, они потягивали сок. Анастасия решила сменить тему, и поинтересовалась, знает ли Тома что-нибудь о подземном ходе в Театре оперы и балета.

– Проход под землёй? – переспросила та. – Впервые слышу. А зачем он нужен?

– Чтобы выходить к реке. Ну, прогуляться, там, подышать свежим воздухом.

– Представляю – идешь по каменному сырому ходу, а над тобой несколько метров земли. Бррр... Кошмар. Я бы точно туда не пошла. Ходить по подземным лабиринтам – это, наверное, как упасть в колодец, только пустой, без воды. Страшно до смерти. Как будто тебя похоронили.

Настя подумала, что у Тома чересчур бурное воображение. Упоминание о похоронах заставило поёжиться и в очередной раз вспомнить о жуткой находке.

Вечером, когда они с Томой были в комнате одни, Настя решила задать провокационный вопрос:

– Как думаешь, у Тайгряна есть с кем-нибудь отношения?

– Нет, конечно. Я бы знала, – с прохладцей заметила собеседница.

Но, поглядев на соседку, вдруг с беспокойством спросила:

– А почему ты об этом заговорила? Ты его с кем-то видела?

– Нет. Просто интересно. Он такой симпатичный. Думала, точно кто-то есть.

Девушка старалась говорить как можно беззаботнее. При этом она небрежно точила маленьким ножиком карандаш. Но когда пошла к двери, чтобы выбросить в мусорное ведро карандашную стружку, то едва не лишилась дара речи – сидя на своей кровати с книгой на коленях, на неё внимательно смотрела Татьяна. Настя была уверена, что та вышла из комнаты, и они с Томой одни! Как она могла не услышать, что девушка вернулась? Под взглядом Тани Настя потупилась и торопливо выбежала за дверь.

Вечно в уборной находиться невозможно и пришлось всё-таки выйти. Как она и думала, снаружи её ожидала Гальская. Балерина стояла, опершись о стену плечом и скрестив на груди руки.

– Почему ты не сказала ей? – спросила она, одарив Анастасию высокомерным взглядом.

Настя не знала, куда деть глаза, поэтому просто опустила их.

– Потому что ей нравится Павел. Она бы расстроилась. И ещё потому, что они тебя и так за что-то не любят.

– И ты решила к ним примкнуть? Начала со слезки? Bravo.

Настя виновато пожала плечами.

– Нет, Тань, это вышло случайно.

– Допустим. Но с Томой ты же не случайно это тему подняла? Зачем начинать разговор, если не собираешься его продолжать?

Девушка молчала, чувствуя себя нашкодившей школьницей перед строгой учительницей. Ноги стали ватными, под рёбрами похолодело.

– Я, правда, не собиралась ей говорить. И вообще я не желаю тебе плохого, честно, – лепетала она, краснея.

– Тогда не лезь, пожалуйста, в чужие дела, – спокойно попросила Татьяна.

Она говорила повелительным тоном, гордо вздёрнув подбородок. Это невольно восхищало и приводило в трепет. Таня – прирождённая артистка, прима. Такой как раз место на сцене, в свете софитов и восторженных взглядов.

– Хорошо. Только ты считаешь, что правильно скрывать то, что ты нездорова?

– Не твоё дело! – задетая за живое, возмутилась девушка.

– Ошибаешься! И моё тоже! Если с тобой что-то случится из-за твоей же глупости, то ты подведёшь всех!

Таня развернулась и пошла прочь, демонстрируя, что больше говорить с новенькой не желает.

Ночью после этого разговора Настя спала плохо. Сначала никак не получалось заснуть, а потом её напугал страшный сон. Валентина Валерьевна вела у них в школе русскую литературу и дала задание выучить любое стихотворение Есе-

нина на выбор. Настя выбрала одно из самых жутких и самозабвенно декламировала, стоя у балетного станка:

*Хороша была Танюша, краше не было в селе,
Красной рюшкою по белу сарафан на подоле...*

Далее, согласно словам классика, о парне, что женится на другой, о том, как скачет свадьба на телегах, о плачущей Таниной родне... Завершила она и вовсе неуместно бодрым тоном:

*Алым венчиком кровинки запеклися на челе,
Хороша была Танюша, краше не было в селе.*

Эта сцена сменилась другой – Анастасия оказалась в подвале ДК с тортом в руках. Из коробки с витиеватой надписью «Верантоль» ей постоянно что-то капало на ногу, но она боялась опустить глаза и увидеть кровь.

– Привет, ты ко мне в гости? – спросила её Татьяна, появившаяся из темноты.

По лицу девушки откуда-то из-под волос сочилась тонкая алая струйка.

– Она хочет быть примой, – раздался над ухом шёпот Томи. – И ходят слухи, что у неё роман с одним влиятельным человеком.

После этого Настя проснулась. Было начало шестого. Всё

внутри скрутило, как в приступе паники. Тяжёлый осадок на душе не позволил больше сомкнуть глаз. Перед мысленным взором стояла ужасная картина – девушка с раной на виске. И в голове навязчиво крутились зловещие строки – «хороша была Танюша, краше не было в селе...»

Остальные девочки спали. Серый свет заполнял комнату. Настя рассмотрела в этой предутренней дымке Татьяну, лежавшую в постели. Та спала на животе, длинные волосы свесились с подушки почти до самого пола. На складках одеяла покоилась изящная девичья рука. Тома отвернулась к стене. Лишь рыжие локоны тёмным пятном выделялись на подушке. Катя тихо посапывала, натянув одеяло до самого подбородка. На полочке над столом безучастно и равнодушно тикали часы.

Глава 5. Танец-предатель

Удивительно тепло для октября. Даже на крыше ранним утром. Таня посмотрела в небо – чисто, ни облачка. Павел, перекатившись со спины, подпёр рукой голову и молча глядел на девушку. Медленно провёл пальцем по контуру её губ.

Они встречались уже почти полгода. Но любил он её давно – ещё с балетной школы. Впервые он увидел Таню, когда ей было четырнадцать. Самому ему на тот момент исполнилось шестнадцать. Семья переехала в этот город, и оканчивать балетную школу ему пришлось здесь. В восемнадцать поступил в училище. А Татьяна пришла сюда только в этом году.

Он знал, что его любимая ещё невинна и ни на чём не настаивал. Да и строгое восточное воспитание играло тут весомую роль.

В последнее время Татьяна была какой-то нервной. Он заметил это, но всё не было возможности спросить.

– Малыш, что такое? Ты сама не своя.

– Ничего. Всё нормально.

– Тань, я не слепой. Рассказывай, что тебя тревожит. Переживаешь из-за «Гаянэ»?

Она села на одеяле. Паша притащил его сюда заранее, и они уже пару раз уединяюсь здесь по утрам перед классами.

– А правда, что если с мужчиной не заниматься любовью,

он обязательно изменит? – она немного смущённо посмотрела на него своими большими карими глазами.

– Откуда ты такое взяла? – Тайгрян нахмурил широкие чёрные брови.

Татьяна неопределённо пожалала плечами.

– Девочки говорят.

– Твои девочки ничего серьёзнее «Юного натуралиста» не читали. Нашла, кого слушать. Я надеюсь, ты во мне не сомневаешься?

Она отрицательно покачала головой.

– Таня, я люблю тебя, – он взял её за плечи и заглянул в глаза. – Помни об этом и никогда во мне не сомневайся.

– Я тоже тебя люблю, – прошептала девушка, кладя голову ему на грудь.

Она считала, что позволила ему в этот раз слишком много. Но так невероятно это было – его губы на её груди... Даже через футболку. Дыхание сбивалось, пульс зашкаливал. Она словно слегка пригубила вина из наполненного до краёв бокала. Сделать большой глоток боязно. А вот так, по капле вкушать наслаждение, – первое в жизни, и потому такое острое, – было настоящим блаженством. Когда не знаешь, как дальше, когда это максимум, что они могут себе позволить...

Взгляд Тайгряна был затуманенным. Наверное, как и у неё самой. Павел был первым и единственным парнем, который её поцеловал. И что бы там ни злословили о ней в училище,

ещё ни один мужчина не видел её обнажённой, ни говоря уже о чём-то большем.

Девушка отстранилась, поправила одежду, встала.

– Пойдём. А то если комендант узнает, тебя из общежития мигом выгоняет.

– Не узнает, – Паша пружинисто поднялся, словно сильный, но лёгкий и бесшумный хищник.

Когда они спустились с крыши и остановились на площадке верхнего этажа, юноша крепче сжал её пальцы, переплетенные с его.

– Новенькая знает о нас. Она видела нас тогда вечером на кухне, – задумчиво произнесла Татьяна.

– Я с ней поговорю.

Пересудов за спиной девушка не боялась. Но её родители были очень строги. И если бы они узнали, что Таня встречается с парнем, её бы заперли под домашним арестом. Тогда не видать ей ни Пашки, ни балета.

На занятии Валентина огорошила всех очередной новостью.

– Участвовать в постановке будут все. Там чего только один «Танец розовых девушек» стоит! Покажем мужикам, какие мы красавицы, да, девчата? – Вава весело подмигнула.

А Настя в эту секунду на себе ощутила, как это, когда внутри всё обрывается. Выйти на сцену наравне с профессиональными танцорами она считала безумством.

Повод убедиться в собственной никчемности представил-

ся в тот же день. Вместо обычного класса девочки должны были наблюдать за репетицией Татьяны и Павла. Как выразилась Валентина Валерьевна, это необходимо для того, чтобы они прочувствовали дух постановки.

Сначала хореограф кратко поведала им сюжет балета «Гаянэ». Если не брать во внимание нюансы, Настя поняла, что история посвящена отношениям двух влюблённых – девушки по имени Гаянэ и юноши Армена. У Гаянэ есть ещё один поклонник – Гико, который пытается добиться расположения красавицы и стремится во что бы то ни стало разлучить пару.

В балете присутствуют сцены, в которых классический балет стилизован под национальные армянские танцы. Поэтому костюмы артистов будут соответствующие.

– Придумали же – ставить такой балет у нас, – скептически произнесла Катя, стоявшая поблизости от Анастасии. – С нашими славянскими рожами как раз в нём танцевать.

– Да ладно, – заметила другая девушка. – Когда все будем в костюмах, это станет не так заметно.

– Если только парням прилепят бороды, а девочкам – чёрные косы, – съязвила Катерина.

Настя почти не прислушивалась к болтовне девчонок. Её внимание приковал к себе танец. И всё отчетливее приходило понимание, что ей такого никогда не повторить.

Репетировали сцену «Любовный дуэт Гаянэ и Армена». Танцоры кружились на середине просторного зала, отража-

ясь во всех зеркалах. От Павла исходила уверенность, сила, жар восточного мужчины, оказавшегося в своей стихии. От одного взгляда на него у многих девчонок по телу неожиданно пробежала горячая волна. Тайгрян вёл партнершу галантно и в то же время властно. Если их руки или тела соприкасались, это обжигало не только их двоих, а всех зрителей. В те моменты, когда это было возможно – оба неотрывно смотрели друг другу в глаза. Чувственная полуулыбка на губах молодого человека заставляла любое девичье сердце замирать и снова пускаться вскачь. Не только у самих исполнителей, но и у остальных присутствующих мысли умчались далеко отсюда. Только одна, волнующая, будоражащая воображение, билась в голове: «И я хочу танцевать с ним!» Чего на самом деле им хотелось, они пока не могли трезво определить. Хотя бы танцевать. Так же.

А музыка всё звучала. Татьяна и Павел в вихре танца взлетали над полом. Казалось, что сердца вот-вот лопнут от восторга и свободы...

Таня излучала манкость, сама того не осознавая. Обычно кокетки стараются специально флиртовать, играть роль куколки и прелестницы, чтобы привлечь мужчину и пробудить в нём заботливого защитника. Татьяне же по своей природе это было дано изначально. Ей не нужно было жеманничать и сюсюкать, не нужно было носить пышные платья и коротенькие юбочки, чтобы стать такой. Внутреннее излучение одновременно детскости и женственности придавало ей то,

за чем часто женщины гонятся всю жизнь, но так и не достигают. Причём если у других это получалось, как правило, неестественно, ломливо и глупо, Таня в таком состоянии смотрелась абсолютно органично.

– Стоп, стоп! – Вава звонко хлопнула в ладоши, что заставило многих вздрогнуть. – Золотые мои, мы с вами репетировали всего один отрывок. В балете вам в паре нужно будет исполнить несколько сцен. Есть искра, есть страсть. Всё получается. Вы оба как будто созданы для этого балета и друг для друга. Не знай я вас лично, решила бы, что вы и в жизни пара. Но мне нужно немного другое. Больше плавности, лёгкости.

Ребята остановились, тяжело дыша, и не отрывая взглядов друг от друга. Балетмейстер что-то принялась им пояснять, но Настя не слышала ни слова, пытаясь преодолеть шквал захлестнувших её эмоций после созерцания танца.

– Танюша, точно сможешь? Выдюжишь? – спросила Вава. – На тебя вся надежда, детка. Мне тебя нечем заменить.

После этих слов половина девушек группы недовольно скривили лица.

Валентина Валерьевна занималась с Таней ещё во время обучения в балетной школе. Она заметила эту девочку совсем крошкой. Педагоги посещали детские сады и присматривали малышей с хорошими данными. Родители Гальской оказались не против балета. Уже тогда было видно, что Таня рождена для него.

Этот вид искусства требует особых физических данных. Определённая фигура, длина частей тела, даже размер головы – всё это важно. Не говоря о растяжке и подвижности суставов. Если данных нет, то даже самую старательную девочку отбракуют, как собаку на выставке. Можно, конечно, договориться, надавить авторитетом, дать взятку, и ребёнка возьмут в балет. Но пути на большую сцену у такой балерины всё равно не будет.

Таня же была идеально сложена для балета. Её гибкость и яркая внешность только добавляли ей очков.

Как только объявили перерыв, Настя увидела, как Тайгрян, решительный и серьёзный, быстро идёт по залу к ней. Брови сведены на переносице, на скулах играют желваки.

– Можно тебя на минутку?

Девушка кивнула и пошла за ним в коридор.

– Ты же Настя, да?

Он повернулся, посмотрел ей прямо в глаза.

– Я хотел поговорить.

Такой худой, и в то же время мускулистый... Широкий размах плеч, в пройме горловины почти у шеи виднеется тёмная поросль. Томка недавно доказывала ей, что самые красивые мужчины – армяне. Тогда она спорила, а теперь готова была согласиться. Тайгрян так внимательно глядел на неё, а глаза у него оказались зелёные-зелёные! Но когда Настя вспомнила, как нежно он прижимал к себе Татьяну, тут же с раздражением вспыхнула:

– Если ты про вас с Таней, то не переживай, я никому не скажу. И знаешь, меня это напрягает. Я за вами не следила, это вышло случайно. Тане я уже сказала, что никто ничего от меня не узнает. Не надо считать меня балаболкой и по очереди ко мне подходить!

Теперь до того собранные в кучу брови удивлённо подскочили вверх, и на лице парня появилось что-то вроде улыбки. Настя была на целую голову ниже, и, должно быть, такой решительный, эмоциональный пассаж от столь хрупкой девочки насмешил его.

– Ну, хорошо, – примирительно сказал он. – Извини, если обидел, но сама понимаешь...

Она кивнула и почти бегом вернулась в зал.

Позитивный настрой Настю снова покинул. Всё из-за этого разговора. И повреждённая лодыжка постоянно ныла. Сейчас эта боль особенно давала о себе знать. Хорошо бы попасть в этом балете на какой-нибудь задний план, чтобы её там не было видно.

В зале Анастасия нашла глазами Гальскую. При остальных девочках обе вели себя нейтрально – почти не разговаривали. Но если приходилось общаться, то выглядело это вполне přátельски. Из этого Настя сделала вывод, что Татьяна не привыкать скрывать свои эмоции, и артистка она на самом деле великолепная.

– А что от тебя Пашка хотел? – тут же пристала к ней Тома.

От волнения Настя в тот момент не заметила, как ревниво наблюдает за ними подруга.

– Дааа... Денег хотел занять, – ответила она первое, что пришло в голову.

– Денег? Тайгрян? – недоверчиво переспросила балерина. – Как-то не похоже на него.

– Почему? Разве у Павла не может не быть денег?

– У него очень обеспеченная семья. Отчим – какой-то высокий чин в милиции.

После небольшой паузы, покосившись в сторону Татьяны, сидевшей теперь рядом на скамейке и завязывавшей ослабевшие ленты пуантов, Тома выдала:

– Не понимаю, неужели кто-то может всерьёз рассматривать отношения с армянином? Они же женятся только на своих.

Катя подняла голову от тетради с конспектом по искусству грима.

– Ты ошиблась, только на своих женятся цыгане. Или евреи... Точно не помню. Я два года назад была с отцом в Ереване. И знаете, я могу однозначно сказать, что это очень достойный народ и мужчины в том числе. Конечно, циркачей хватает, но в большинстве своем уважают женщин. Сильные, неглупые, целеустремлённые, с юмором, добрые, вспыльчивые в хорошем смысле, эмоциональные, нагловатые. В общем, у них больше хороших сторон, нежели плохих. Так что, почему бы и не выйти за армянина? Друг отца...

Тома её перебила, громко хмыкнув, потом многозначительно округлила глаза, и девушка замолчала, тоже метнув взгляд в сторону Тани.

– Да в любой нации большинство – нормальные люди. Не понятно другое, – равнодушно вымолвила Настя. – Почему вас так волнуют чужие отношения? Которых, кстати, может, и нет вообще.

Тома цокнула, а Катя манерно закатила глаза, но больше эту тему девочки не поднимали.

– Тома, а ты же Тамара, да? – вдруг спросила Настя.

– Гм. Ну да.

– Николаевна?

– Ага. Откуда ты знаешь моё отчество?

Анастасия не ответила. Девушка раньше не задумывалась, как звучит полное имя подруги. А вчерашний дурной сон натолкнул её на эту мысль. В нём Тома говорила фразу, уже слышанную Настей от директора Дворца культуры – Тамары Кошман. Вот кого балерина ей напоминала! Только фамилия не совпадала. Тома была Виноградова. Но ведь она могла просто выйти замуж за какого-то мужчину по фамилии Кошман. Помнится, Тамара Николаевна говорила, что до того, как стать директором, руководила танцевальным коллективом... Какое неожиданное открытие!

Ещё одна неожиданность была впереди. Прощаясь после занятия с танцорами, Валентина Валерьевна принялась перечислять фамилии тех, с кем планирует начать работу над

«Гаянэ».

– На вечернюю репетицию сегодня приходят Гальская, Чехова, Ковалёва, Груздь, Мартынова...

Дальше Настя не слышала. Её оглушило, как после контузии.

***

Вечером в зале было непривычно тихо и пусто. Когда Настя с ещё несколькими девочками, в число которых не вошли ни Тома, ни Катя, несмело переступила порог обители танца, Таня уже разминалась у станка. А в углу о чём-то говорили Тайгрян и... Артём Мартовицкий. «Неужто этот тоже будет участвовать в постановке?» – Анастасия почувствовала учатившееся сердцебиение и мысленно поругала себя за излишнее волнение.

По тому, как вальяжно юноша опёрся о балетный станок, каким высокомерным взглядом периодически окидывал всех вокруг, было понятно, что он чувствует себя чуть ли не господином, хозяином, баловнем судьбы. Сверкал самоуверенной улыбкой и всем своим видом демонстрировал, что делает одолжение, находясь здесь. Почему никто, кроме неё, не замечает, какой он ужасный человек?

При появлении педагога парни оживились.

– Валентина Валерьевна, – обратился к хореографу Артём. – А можно нам с Пашкой по случаю участия в балете освобождение от других занятий? Хотя бы от «Истории те-

атра и балета». Нудятина.

– Ребята, у вас выпускной курс. Вам, наоборот, надо поднапрячься. И вообще, Тёма, будешь умничать, поставим тебя не только на роль Гико, но и на Армена во втором составе.

– Да ну... А для партии Гаянэ кого выберете?

Вава обвела глазами всех, кто был в зале.

– Да вон, хотя бы Мартынову Настю. А что? Вполне достойная балерина.

Анастасия вся съёжилась под колючим взглядом его светлых глаз.

– Только деревянная. Танцевать с ней? Вы серьёзно? Там же поддержки. Думаете, я смогу её поднять? – произнёс Мартовицкий с сарказмом.

И улыбнулся. Ему, очевидно, казалось, что это смешно. Но глаза Насти вмиг наполнились слезами. Она физически ощутила, как забурлила от негодования кровь. Шум в ушах заглушил все окружающие звуки. Девушка порывисто обернулась к педагогу и дрожащим голосом сказала:

– Я... Я не буду танцевать. Если хотите, исключайте меня из училища.

Самой ей показалось, что это говорила не она. Какой-то чужой голос.

– Артём! Настя! – Вава стрельнула в Мартовицкого убийственным взглядом и собиралась ещё что-то сказать, но девушка уже ринулась прочь из зала.

Артём выглядел растерянно. Он не ожидал такой реакции

и с опозданием понял, насколько перегнул. Догонять Настю бросилась Татьяна, однако вскоре вернулась ни с чем.

В общежитии Анастасия так и не появилась.

Глава 6. Беглянка

Этот побег был защитной реакцией. Но с каждым часом, приближавшим её к ночи, Настя успокаивалась и всё яснее осознавала – её поступок выглядел глупо и по-детски безответственно. Страшно было представить, какой переполох случился после её выходки. А фраза, брошенная педагогу... Вот так сжечь за собой мосты – чистейшее безумие. Теперь ей некуда идти, а возвращаться назад стыдно. Вспоминая о своих злоключениях, она испытывала отчаяние, подступавшее острыми приступами, а потом временно сменявшееся наивной надеждой на то, что никто её странному демаршу не придаст значения.

Большую часть времени девушка просто слонялась по городу и маялась, размышляя – вернуться в общежитие или нет? Настя поела в кафе, попробовав, наконец, целых два вида тортов – «Наполеон» и какой-то ещё, название которого она не запомнила. Отвела душу. И плевать, что о её фигуре думает Мартовицкий. Обида сменилась злостью на Артёма. Этот его гонор, хамство и высокомерие... Она никому не позволит так с собой обращаться.

Пока сидела за столиком и наблюдала за суетящимися людьми, появилось время всё обдумать. Мир, в котором она так нелепо оказалась, всё глубже затягивал. Он был и чужим, и родным одновременно. В городском пейзаже она узнавала

знакомые здания. Они, как и люди с годами, в её времени изменились, но остались узнаваемые черты. При мыслях о доме накатила щемящая грусть. Всё явственнее было предчувствие, что она туда не вернётся. Чтобы не расплакаться, нужно было подумать о чём-то другом...

Что же могло привести к трагедии и гибели балерины? Действительно ли это была Татьяна? Что, если всё случилось из-за её романа с Тайгрянном? Или потому, что ей досталась ведущая партия в балете? Этот вид искусства жесток и превращает танцоров в яростных соперников, готовых на всё.

Но могла ли, например, Тома решиться на убийство? Настя в подобное не верила. Да и Тамара Николаевна совершенно не была похожа на убийцу. После обнаружения останков она так же искренне поразилась, как и они с Костиком. Даже тридцать лет спустя такие вещи не забываются. Будь она виновницей, не смогла бы спокойно держаться в присутствии следователя. Потом Настя подумала, что судит по себе. Неизвестно, какой эта взрослая Тамара человек.

После кафе девушка не спеша добрела до общежития. Было уже почти одиннадцать вечера. Комендант её точно не пустит. Зоя Яковлевна – дама суровая и принципиальная. Настя присела на облицованный мраморной плиткой борт фонтана. С наступлением ночи район старого города с его зданиями дореволюционной постройки и узкими улочками стал выглядеть зловеще. А одежда уже плохо защищала от осеннего холода. Несмотря на то, что дни ещё были теплые, но-

чами температура сильно опускалась.

Ощущение безысходности при мысли, что она может больше не увидеть родителей, друзей, свой дом, захлестнуло с головой, как высокая холодная волна. Улица, освещенная фонарями, начала расплываться в цветных кругах набежавших слёз. Настя зажмурилась, чтобы не дать им течь из глаз. Нужно заставить себя перестать думать об этом. Ночью всё всегда видится в более мрачных красках, чем днём. Анастасия не понимала, куда подевался её обычный оптимизм.

От дурных размышлений отвлек свет фар появившегося из-за поворота автомобиля. Девушка испугалась до спазмов в желудке. Потому что машина почти проехала мимо, но потом вдруг притормозила и сдала назад. Когда красные «Жигули» поровнялись с Настей, стекло опустилось.

– Нормально? Я её по всему городу ищу, а она здесь сидит. Запрыгивай, – в окне автомобиля появилось лицо Артёма Мартовицкого.

– Куда? – не поняла растерявшаяся девушка.

– П-ф-ф... В машину! Тебя всё равно не пустят в общагу.

– Пустят, – из гордости заупрямилась она.

– Не спорь. Садись, – Артём говорил чуть снисходительно, как с ребёнком.

Почувствовав это, Настя решила показать, что она далеко не дитя. И хотя первым порывом было снова убежать, она всё же совлادала с собой, встала, взяла свою сумку и собралась спокойно уйти.

– Подожди ты. Надо поговорить, – парень вышел из машины.

Всё же Анастасии хотелось узнать, как отреагировала Вава на её побег и услышать от Артёма извинения. Поэтому, в конце концов, она сдалась.

– Ну и куда мне теперь тебя девать? – Мартовицкий откинулся на спинку сидения и стал задумчиво барабанить пальцами по рулю. – Кстати, ты прости за ту дурацкую шутку.

– Извинения не принимаются! – у Насти даже от сердца отлегло.

Она так ждала подходящего момента, чтобы сказать эту фразу!

– Ну и сиди, обижайся, – не стал настаивать молодой человек.

Анастасия теперь вновь показалась себе глупым ребёнком, а не взрослой, почти совершеннолетней девушкой. Раз уж села к нему в автомобиль, то не вежливо так себя вести. Спрашивать о том, что было после её ухода, уже не было желания. Стыдно даже вспоминать об этом. Лучше сделать вид, что ничего не произошло.

– Артём, а сколько тебе лет? – завела она разговор.

– Двадцать один.

– Ого. Ты взрослый... Даже старше Паши...

– Дался вам всем этот Паша! – вспылил парень.

Настя поняла, что для танцовщика упоминание о возрасте, а тем более сравнение с соперником очень болезнен-

но. Заметив, что она потупилась, глубже забившись в угол между креслом и дверью, Мартовицкий смягчился.

– А тебе сколько?

– Второго ноября будет восемнадцать.

– Скорпион, как Танька? У неё день рождения третьего.

– Да? – удивилась Настя и с опозданием подумала, что не знает, какого числа день рождения у той Анастасии Мартыновой, под видом которой она тут живёт. Неудобно окажется, когда все узнают, что она, выходит, наврала.

– Таня тебе нравится, да?

– С чего ты взяла? – он бросил на неё короткий взгляд и снова уставился впереди себя на руль.

– Ну, ты даже знаешь, когда у неё день рождения. Хотя она недавно поступила в училище.

– Раньше нравилась, – по его кислой мине было понятно, что чувства оказались не взаимны.

Выходит, Тайгрян – соперник не только в балете...

– Придумал! – вдруг оживился парень. – Крёстный, когда звонил, говорил, что сегодня какую-то иностранную делегацию к нам привезли. Для них ночью в музее специальная экскурсия. Можно попробовать прорваться туда. Всё лучше, чем на улице мерзнуть.

– В краеведческом? Я там была на днях с Томой. Не хочу. И вообще, может, я всё-таки тут посижу до утра?

– Нет, я тебя саму не оставлю. Не хватало ещё, чтоб к тебе пристали какие-нибудь придурки. Или милиция забрала.

– А что, может?

– У тебя паспорт с собой?

– Нет.

– Значит, может. До выяснения того, почему ты одна по улицам слоняешься. Моя милиция меня бережёт.

С тем, что одинокой девушке ночью на улице совершенно не место, она была полностью согласна. Но и в обществе Артёма ей было не по себе.

– А кто у тебя крёстный, что он знает про иностранные делегации?

– Дипломат-переводчик.

– Ого.

«Они что, все – дети каких-нибудь чиновников? Золотая молодёжь, блин», – подумала девушка.

– А у тебя кто родители?

Настя испуганно округлила глаза, судорожно соображая, что соврать. Она вообще ничего так не желала в данный момент, как сбежать от Мартовицкого.

Не став дожидаться ответа, Артём выдал ещё одну идею – поехать к его другу на квартирник.

– Слышала про такое?

– Нет.

– Это домашний любительский концерт.

– Там все пьют, курят и орёт музыка? – Настя хмыкнула.

Предложение поехать на такое мероприятие она встретила настороженно. Девушка сомневалась – вдруг это что-то

неприличное.

– Нет, у Лёхи такого не бывает. Он у нас романтик и поклонник здорового образа жизни. Там скорее что-то вроде салона только для своих. Приходят потрепаться об искусстве, послушать кого-нибудь из местных исполнителей.

– Почему ночью?

– Так ведь днём все учатся или работают.

– А соседи не против таких сборищ?

– Там частный дом. Ну и они почти не шумят.

Природная осторожность подсказывала, что ехать непонятно куда с малознакомым парнем – не самая хорошая идея. Но деваться было некуда, и Настя согласилась. Кроме того, ей было интересно поглядеть на развлечения советской молодёжи.

Девушка представляла себе шумную толпу в пропитанном запахом курева неубранном помещении. Но надо отдать должное другу Артёма – он, кажется, на самом деле был интеллигентным человеком. В доме царил относительный порядок, и собралось всего пятнадцать-двадцать гостей. Никто не курил. Точнее, не курили внутри, а выходили подымить на улицу. Пили пиво или чай. Настя выбрала последнее. Как раз и сонливость прогонит.

Их встретил чрезвычайно подвижный и живой парень, постоянно жестикулирующий и явно очень дружелюбный. Выглядел он немного неопрятно, но это его не портило.

– Привет, – он обнял Мартовицкого.

– Привет, Лёха, кто у тебя сегодня?

– Очень приятный и позитивный человек Ник. Играет на гитаре, поёт... Голос просто бесподобный, репертуар многообразный. Будет приятно послушать, и, думаю, не только мне! С Алёнкой у них классный дуэт получился.

В прихожей оказалось большое количество обуви. В основном кеды всех цветов и размеров. Стены в коридоре были исписаны и разрисованы самими посетителями – автографы, стихи, пожелания, начертанные чаще всего коряво, но почти без ошибок. Видимо, у Алексея были очень демократичные родители.

Как только они вошли, длинноволосый парень и миниатюрная девчонка с короткой стрижкой, едва достававшая макушкой ему до плеча, подошли к стульям. Юноша взял гитару.

Исполняли в основном песни из кинофильмов, перепевали Высоцкого, Боярского, и других популярных певцов. Практически все собравшиеся подпевали. Кто попроворней и понаглее – заняли диван и кресла, остальные расположились, где придётся – на полу, на подоконниках.

Настя сидела в кресле, стоявшем довольно далеко от импровизированной сцены – в самом углу большой гостиной. Это место ей выбил Артём. Но сам он почти не подходил к ней. Мартовицкий постоянно находился в обществе либо хозяина дома, либо кого-то из ребят.

На стандартный квартирник всё это мало походило. Ско-

рее на дружеские посиделки с игрой на гитаре и хорошими песнями.

Звучало исполняемое всеобщим хором «Пока-пока-покачивая перьями на шляпах...». Заслушавшись, Настя вздрогнула, когда её окликнул Лёша.

– Скучаешь? – он по-свойски плюхнулся на подлокотник кресла, в котором она расположилась.

– Нет, очень интересно. А ты давно собираешь квартирки? – приходилось говорить достаточно громко.

– Несколько лет уже. Это вышло случайно. Был концерт Цоя, и на нём собрались все мои друзья. А потом мы как-то плавно переключались ко мне и продолжили. С тех пор собираемся иногда или просто хорошо провести время, попеть песни, или же к какой-нибудь значимой дате. Обычно в гости ко мне приходят ребята из наших местных групп и друзья, которые просто умеют и любят петь и играть. У нас даже традиции появились! Пить чай и сок, иногда пиво. А ещё есть плов с рыбой. Пробовала такой? Это рис с рыбными консервами. Очень вкусно!

Настя отвернулась, чтобы он не заметил, как она брезгливо поморщилась.

– И Артём такое ест? – спросила девушка, переборов себя.

– Не, он же танцор. Он вообще ничего не ест, – захохотал Лёша.

Анастасия решила, что этот парень не очень-то похож на ЗОЖника. Плов с консервами в её понимании вовсе не яв-

лялся примером здоровой пищи. Как, впрочем, и пиво.

– Квартирники у Лёшки – это удивительная вещь! – присоединилась к их болтовне одна из гостей, девушка по имени Алиса. – Здесь ты оказываешься не просто рядом с музыкантами, а буквально вместе с ними творишь музыку, даже если петь и играть не умеешь. И всё же у нас в городе квартирники – редкость. Вот в Москве, Ленинграде это действительно круто! Масштабно!

Она рассказала, что обычно их встречи проходят вечером пятницы или субботы. Нередко действие затягивается до утра и переходит в предрассветное чаепитие.

– Сонные лица друзей, хорошее настроение, гитара и кружка горячего чая – разве можно отказаться от такого уюта и тёплой дружеской атмосферы? – улыбнулась девушка.

Анастасия подумала, что у Мартовицкого оказались на удивление приятные знакомые.

Песни чередовались с дружескими беседами, обсуждением чьего-нибудь творчества, перекурами.

– О, Тёма! – воскликнул какой-то парень в чёрной косухе. Настя его не видела среди гостей. Наверное, только пришёл.

Незнакомец направился к Артёму, по пути здороваясь со всеми, пожимая протянутые руки.

– Так ты мне, значит, проспорил желание! Кто говорил, что ноги его здесь больше не будет?

Мартовицкий смотрел на вновь прибывшего с неприязнью. Хотя на рукопожатие ответил.

– Ладно, проспори́л. И что дальше? – спокойно спросил он.

– Как что? Танцуй!

Все наперебой закричали, поддерживая наглеца:

– Танцуй, Тёма, танцуй!

В глазах Артёма промелькнула растерянность. Но затем он взял себя в руки и решительно направился к Насте.

– Пойдём, поможешь.

Она отшатнулась. От испуга перехватило дыхание.

– Я? Я не смогу!

Но он уже тянул её за собой.

Середину зала освобождали от подушек и стульев. Место получилось вполне просторное. И потолки в старом доме оказались высокие. Настя заметила, как Мартовицкий посмотрел вверх, оценивая риски.

Сердце панически колотилось. А рука была крепко зажата в ладони Артёма – никакой надежды избежать позора. Танцевать перед настоящей публикой было очень страшно. Особенно когда не умеешь этого делать.

– Быстро покажем отрывок из... Из чего? Может, из «Щелкунчика»? Или из «Лебединого озера»? – парень словно говорил сам с собой.

– Я не помню ничего, – пыталась всё же вывернуться из его захвата Анастасия.

– Да? – он перевел на неё глаза. – Ладно. Покрутишься немного, и я тебя подброшу.

– Что? – она суетливо выдернула пальцы. – Давай сам, Артём. Это же твой спор!

Вокруг засмеялись. А Мартовицкий нахмурился.

Они уже стояли посреди гостиной. Зазвучала музыка. Что-то плавное, нежное. Это Ник играл на стоявшем у окна пианино. Настя, не мигая, смотрела на юношу. А потом, подчиняясь некому толчку, девушка поднялась на мысочки и засемила по комнате, красиво расправив плечи и разведя руки. Прогиб, арабеск... Опомнилась Настя, когда по спине волной прошли горячие пальцы. Артём... Под его рукой она прогнулась лозой. Ещё шаг, поворот. Она упёрлась взглядом в его губы, в движении прошла бюстом по его груди. Грубо, даже почти больно. Он навис над ней коршуном. Сердце трепыхалось, как птичка в когтях пернатого хищника. Снова поворот, а потом полёт, парение... Артём поднял её высоко над полом и над всеми присутствующими. Зрители затаили дыхание, задрал головы.

Когда ноги снова коснулись земли, Настя уловила гулкую пульсацию в висках. Щёки горели. Не сразу получилось выровнять дыхание. И покинуть сильные руки, всё ещё державшие её за талию.

– Ничего себе, – восторженно выдохнул кто-то.

Всё так быстро завершилось... Сколько длился их танец? Минуту или чуть больше? Анастасия понятия не имела.

Раздались одиночные аплодисменты, а потом хлопали уже все. Настя чувствовала себя такой же прекрасной, как Татьяна в образе Гаянэ. Всепоглощающий, упоительный восторг, который она ощущала после своего исполнения и аплодисментов, на миг подарил ей уверенность, что вот оно, дело её жизни – балет! Вдруг именно для него она создана? Но так бы и не узнала об этом, не окажись тут. Не помня себя от волнения, девушка поклонилась.

Лишь недовольная физиономия парня в косухе говорила о том, что он ожидал иного. Хотел выставить Артёма на посмешище, но не вышло.

Уже знакомые ей исполнители снова вышли на публику. Ник опустил на стул, взял в руки гитару, а Алёна встала рядом. Зазвучали аккорды одной из красивейших композиций советского кино. Ребята собирались дуэтом исполнить песню «Диалог у новогодней елки» из кинофильма «Москва слезам не верит».

Некоторые гости разбились на пары и стали танцевать. Кто-то выключил свет, оставив лишь свечи на подоконнике и на журнальном столе. Настя посмотрела в сторону Артёма. То ли романтичность момента так на неё повлияла, то ли их короткая импровизация, во время которой он к ней не просто прикоснулся, а взял на руки, поднял над полом. Но сейчас Марговицкий показался ей самым красивым мужчиной на земле. Только его уже тянула танцевать Алиса...

Лёша, хозяин квартирника, пригласил её саму. Настя,

кружась в танце, постоянно поглядывала на Артёма. Но когда их взгляды встретились, она тотчас испуганно отвернулась.

Вроде давно знакомая, уже заезженная песня. Но сейчас Настя слышала и понимала её как-то по-новому. Теперь она всегда будет ассоциироваться с этой странной ночью и Мартовицким! Обида на него растворилась без следа. Недоверие и настороженность притупились. Появилась даже какая-то иллюзия лёгкой влюблённости...

Душа парила где-то высоко, захлебываясь от счастья и восторга. Всё было великолепно, все люди вокруг казались добрыми, счастливыми и такими родными. Анастасия улыбнулась своим мыслям. А ведь ни глотка пива не сделала, но ощущение было поистине пьянящим. И хотя Настя понимала, что всё это лопнет, как мыльный пузырь, с наступлением утра, но сейчас она упивалась каждой секундой происходящего.

Утром назад ехали в молчании. Девушка не могла понять, доволен Артём её танцем или нет. Переживала, что сделала что-то не так. Потому что он ни разу не улыбнулся и не перекинулся с ней ни одной фразой. Только когда пришло время уезжать, подошёл и коротко сказал:

– Пошли.

Поскольку их путь лежал почти через весь город, полная тишина вскоре начала Анастасию тяготить.

– Всё нормально? – спросила она. – Ты не надорвался?

Явный подкол, ну и пусть. Всё же он это заслужил.

– Нет, – хмуро буркнул Мартовицкий.

Помолчав ещё какое-то время, он, наконец, выдал:

– Что это было вообще?

– Ты о чём?

– О твоём исполнении. Это откуда?

– Импровизация.

– Знаешь, это была ужасная импровизация, – бросил он.

– Танцевал бы один.

– В балете мужчина второстепенен, он просто аккомпанирует женщине.

Она ничего не ответила. Мнение Артёма насчёт её танца меньше всего волновало сейчас Анастасию. Ей аплодировали, ею восхищались. Значит, она смогла!

Отвернувшись к окну и стала раздумывать над тем, сколько неожиданностей принёс этот длинный день. А завершился он совершенно непредсказуемо. Теперь Настя не знала, что и думать об Артёме. Так и подмывало с кем-то обсудить это, поделиться. Но не с Томой же, которая наверняка потом всем расскажет. И не с Катькой. Эта точно посмеётся. С Таней? Но она вряд ли будет с ней общаться. Тяжело в неполных восемнадцать осознать, что ты совсем одинока и находишься в прошлом. Что, по сути, ты здесь чужая, лишняя. Что занимаешь чьё-то место и самой тебя здесь быть не должно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.